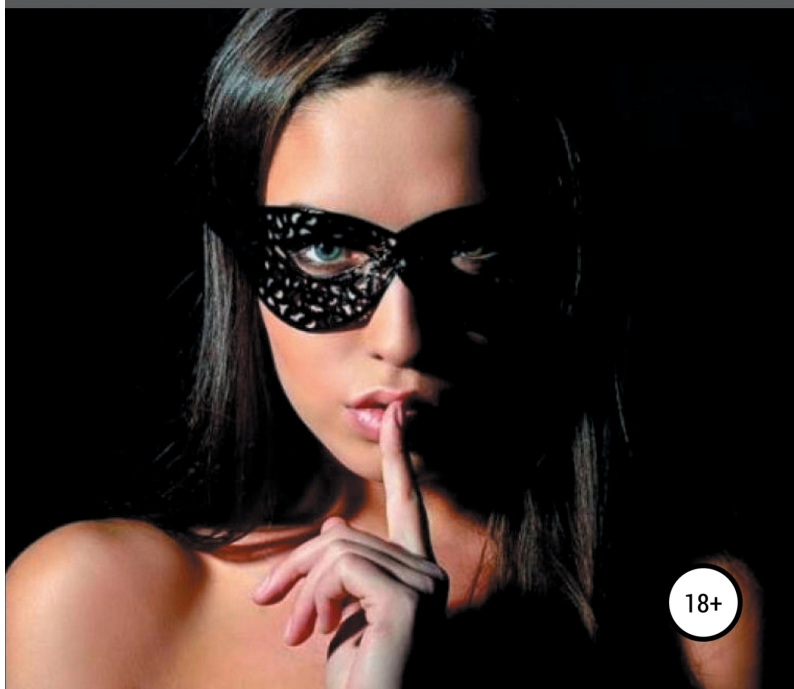

Григорий Шенелев

Шеф

роман

18+

Григорий Александрович Шепелев

Шеф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40696849

SelfPub; 2024

Аннотация

Путь к тайне рулетки. Олег приезжает вечером со своей подругой Оксаной в загородный дом ее мужа. Дом стоит в деревушке, а кругом – лес. Ночью начинается ливень, и Олег замечает при вспышке молнии человека, который с улицы смотрит в спальню, прижавшись лицом к стеклу. Померещилось? Но, узнав, как выглядел незнакомец, Оксана в страхе рассказывает историю о сожженной невдалеке деревне и разрушенной церкви, которая иногда, темными ночами, вновь возникает на прежнем месте. Олег высмеивает рассказчицу, но она уверяет его, что в разные годы мертвую церковь видели несколько человек, которые после этого исчезали, поговорив с неким незнакомцем...

Содержание

...Ты меня и из рая ждала!	4
Глава первая	5
Глава третья	64
Глава четвёртая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Григорий Шепелев Шеф

...Ты меня и из рая ждала!

В. Высоцкий

Глава первая

Горожанин

– Скажи что-нибудь!

– Что именно?

– Что-нибудь.

– Зачем?

– Не люблю, когда ты молчишь. Если ты молчишь – значит, тебе нечего мне сказать.

– Если я молчу – значит, думаю.

– Ты мог бы думать, когда я сплю или говорю!

– Разве это вежливо – думать, когда с тобой говорят?

– Так ты у нас вежливый человек?

– Стараюсь им быть.

– Тогда почему тебе морду бьют каждый день?

– Потому что там, где я каждый день бываю, вежливость принимают за трусость.

– Если ты вежливый и не трус – принеси, пожалуйста, из машины мою "Вирджинию". От твоих сигарет у меня придатки болят!

– Пошла ты...

У изголовья стояла почти пустая бутылка «Кьянти». Оксана к ней потянулась через Олега, взяла кончиками пальцев, но она выскользнула и с грохотом покатилась к тумбочке.

– Твою мать! – крикнула Оксана и, спрыгнув на пол, бросилась догонять. Догнав, наклонилась. Голая попа, нетронутая, как спина и ноги, марокканским загаром, сочно сверкнула под лучом месяца.

– Пролилась? – промямлил Олег, Зевая.

– Не пролилась! Я её заткнула, ты представляешь? Я никогда бутылки не затыкала, а тут заткнула! Какой кошмар! Если я ещё недели две-три с тобой пообщаюсь, то приучусь перед входом в банк или магазин гасить сигарету и класть её на бордюр, а потом докуривать!

– Или отнимать у бомжей, – прибавил Олег. Осушив бутылку, Оксана снова нагнулась и закатила её под тумбочку. Но бутылка выкатилась обратно. Тогда Оксана впихнула её под тумбочку вперёд горлышком и, на всякий случай посверкав попой ещё несколько секунд, вернулась к своему другу. Олег лежал на спине, прислушиваясь к тоскливому вою ветра за дребезжающим стеклом. Диван стоял у окошка. Олегу это понравилось. Он любил смотреть на ночное небо, как бы оно ни выглядело и каким бы ни было настроение. Эта склонность крепко объединяла его с Оксаной – не потому, что она, подобно ему, порой уносилась мыслями к звёздам, а потому, что предпочитала позу наездницы. Только изредка на неё накатывала другая крайность. Тогда она становилась перед Олегом в позу уборщицы, высоко задрав ягодицы. Похоже было, именно к этому и шло дело. Длинные пальцы с нарощенными ногтями почти такой же длины настойчиво

щекотали грудь и живот Олега, пухлые губы слюняво липли к его плечу. На месяц напозла туча. Взяв с подоконника плоскую бутылку «Джонни Уокер», Олег хлебнул из горлышка и спросил:

– Чего ты боишься?

Рука Оксаны застыла.

– Я ничего не боюсь. Тишина, конечно, такая... немного жуткая! Лес есть лес.

– Ты любишь природу?

– Разве что в виде маков.

Выхватив у Олега бутылку, Оксана села на пятки и присосалась к ней. Судя по всему, ей хотелось, чтобы последовали ещё какие-нибудь вопросы, один другого глупее. Зная её, нельзя было этого не заметить.

– Тогда зачем ты меня сюда притащила?

– Затем, что я его ненавижу, – проговорила Оксана, ставя бутылку на подоконник. Взяв с него зажигалку и пачку «Мальборо», закурила. Голубоватое пламя кинуло по углам дрожащие отсветы. Обозначились очертания тумбочки и двух кресел, на одном из которых лежали вещи Олега, а на другом – Оксаны.

– Я тебя понимаю.

– Нет, Олег, нет! Это невозможно. Ты органически не способен понять меня. Ты – кобель, хоть и сука рваная! Ты не знаешь, как твёрдо он убеждён, что я – его движимое имущество и должна стоять на коленях за каждый брюлик, за

каждый месяц в Париже, за каждый джип! Ты не представляешь, как он гордится этим своим сараем, похожим на мухомор под гнилой корягой! Ну, ничего. Когда-нибудь он узнает, что я здесь вытворяла! Да и не только он. Узнают и те, кому он с самодовольной рожей рассказывает, во что ему обошлась постройка и сколько он платит аборигенам за дрова и охрану!

– Да это всё для него копейки, – не устоял Олег перед искушением плеснуть масла в огонь.

– Копейки были бы на Рублёвке или на Новорижском шоссе, – ядовито вымолвила Оксана, гася окурок о подлокотник дивана, – ведь за одну только просеку для доставки стройматериалов он отстегнул сорок тысяч долларов! Умещается это в твоей башке? Сорок тысяч! Долларов! За поваленные деревья! Ты не гляди, что окна – простые. Он пластик не переносит.

Олег задумался.

– Твою мать! А у его фирмы на Западе филиалы есть?

– Понятия не имею. Я вообще ничего не знаю о его фирме.

И не желаю знать.

– Почему?

– Потому что я – не самоубийца!

– Да ну? – воскликнул Олег и стал подниматься, так как от вискаря его голове вдруг сделалось горячо. – А я тебе, сука, не жеребец для эмоциональной разрядки! Не жеребец, поняла?

– В первую же ночь, – призналась Оксана, – и это было нетрудно. За двадцать лет бурной половой жизни я кое-как научилась отличать жеребцов от мелких, блохастых, всеми обиженных кобелишек!

– Ну и соси за шубы и бриллианты! А я себя уважаю, ясно?

– Ты сам себя уважаешь? Тогда гордись, дурак, что тебе я сосу бесплатно, и не проси вот этого!

Звонкая оплеуха выбила искры из глаз Олега, который уже хотел соскочить с постели. На один миг в его голове всё перевернулось. Шипящий голос Оксаны звучал откуда-то сбоку:

– Если ты ещё раз на меня затывкаешь...

Темнота была абсолютной. Олег ударил на голос. Раздался визг. Сразу же за ним последовал грохот, свидетельствовавший о том, что Оксана, слетев с дивана, кубарем покатила через всю комнату. Услышав затем ругань и приближающийся к дивану стук голых пяток, Олег решительно спрыгнул на пол. Ногти Оксаны коснулись его лица. Он стиснул её запястья. Она опять пронзительно завизжала – но не от боли, а потому, что окно вдруг вспыхнуло и погасло. В то же мгновение дом подпрыгнул от громового раската, и на стекло обрушился страшный ливень.

Пальцы Олега разжались сами собой. С минуту он и Оксана стояли друг перед другом, не смея пошевелиться и молча слушая барабанную дробь воды. Гроза нарастала. Молнии наполняли комнату ослепительным, белым светом. Гро-

мы трясли покрытую пеной землю, как лист фанеры. Ветер то выл, то всхлипывал, то ревел.

Олег опомнился первый.

– Вот чёрт! С ума здесь сойдёшь, – пробормотал он, беря сигареты. Сев на диван, закурил. Оксана последовала его примеру. После второй затяжки она закашлялась, чего раньше за нею не наблюдалось, и прошептала каким-то не своим голосом:

– Настоящие джунгли...

– Какие джунгли? Тайга, – поправил Олег.

Он был близок к истине. За окном простиралась такая глушь, какую можно представить разве что за Уралом. Малейший шорох из темноты наводил на мысли о леших, ведьмах и упырях. Гроза же казалась попросту концом света. Кирпичный дом, на втором этаже которого развлекались Олег с Оксаной, стоял в глубоком лесном овраге, на сваях. Рядом располагался гараж. Один склон оврага был высооченный, крутой, а другой – пологий. На нём стояли восемь древних избушек, поросших мхом, покосившихся. Жили в них лихие деды-промысловики. Спокон веку жили. Добывали куницу, белку, лисицу, выдру, бобра. Покупатели приходили сами. Они снабжали дедов провиантом, водкой, боеприпасами и всем прочим, так что лесовикам неплохо жилось. Им было где побродить в поисках зверья. Глухие боры и смешанные леса, редая на взгорьях и скапливаясь в сырых, туманных низинах, со всех сторон обступали овраг с избуш-

ками. До ближайшего края пересечённых речками и ручьями дебрей было четырнадцать километров. Один ручей струился по дну оврага, между избушками и кирпичным домом. Он тёк на север, к Чёрному озеру. Ледяное, чистое как слеза, оно затерялось среди чащоб, оврагов и топей. Никто из него не пил уже много лет. Тропинки к нему меж страшных болот, дымящихся и в тридцатиградусные морозы, загромождал бурелом. В нём кишмя кишели гадюки. Ещё более дремучим и страшным считался лес над восточным склоном оврага. На западе, за пологим склоном, тянулся луг, а дальше вздымались гряды холмов. На них росли сосны. С юга, сквозь относительно редкий лес, к оврагу тянулась от шоссе просека с колеёй. Она изобиловала ухабами, одолеть которые был способен лишь армейский тягач, бульдозер или могучий джип – к примеру, "Ниссан Патрол", которым располагала Оксана.

Они подъехали к дому за два часа до грозы. Над лесом горел закат. Горел на полнеба. Тоскливо выли собаки.

– Ого, как воют! – удивилась Оксана, выпрыгнув из машины. – Никогда так не выли.

Олег помог ей открыть гараж. Потом они закурили, оглядывая окрестности.

– Мы как будто не только на двести пятьдесят вёрст от Москвы отъехали, но и на двести пятьдесят лет назад, – заметил Олег, вдыхая холодный осенний ветер. – Не понимаю, как тут собаки живут? Да и люди тоже.

– Великолепно живут, потому что им никто не мешает, –

сказала Оксана, сплюнув, – да и они никому. Очень адекватные старички.

Олег взглянул на избушки. Было похоже, что адекватные старички с утра что-то отмечали, так как в ближайшем домике слышался вялый спор человек пяти. Совсем уже вялый. Страхнув попавший на юбку пепел, Оксана ещё раз сплюнула и прибавила:

– Староверы! У них своя философия – Бог, добро. Меня это как-то даже не раздражает.

– А ты не боишься, что им захочется сделать доброе дело твоему мужу?

– Исключено. Ты – не первый. И не пятнадцатый. У меня с дедами крепкая дружба. Не знаю, на какой хер им деньги нужны, но они их любят.

Неубеждённый Олег повернулся к дому.

– Ну, как? – спросила Оксана, щурясь.

– Да так...

– Я ему сто раз говорила – чтоб нажираться с друзьями после охоты и проституток драть, можно было построить одноэтажный. И чуть поближе к Москве.

– Тут, видимо, зверей больше.

– Да, зверья тут немерено, – согласилась Оксана, щелчком метнув окурок в ручей, – особенно в Дни милиции. Загони машину! У меня это не всегда получается без последствий.

Олег загнал. Покинув гараж, передал Оксане ключи. Смеркалось. Лес над восточным склоном шумел, как море.

Захлопнув створки стальных гаражных ворот, Оксана стала их тщательно запиравать на оба замка. Олег поинтересовался, зачем на оба.

– Затем, чтобы у нас были лишние пять минут на самоубийство, если мой мент внезапно пожалует, – объяснила Оксана и рассмеялась. – Шучу, шучу! Он до ноября сюда не поедет, у него дел полно.

– Да мне наплевать.

– Заметно! Весь побелел от страха.

– Не за себя.

– За меня?

– За твоего мужа.

– Это напрасно!

Крутя ключи на цепочке, Оксана подошла к другу и больно щёлкнула его по длинному носу.

– Он ведь не просто мент, а омоновец! Рост – два метра, ширина – три.

Олег рассмеялся, хотя смешно ему не было, и они направились в дом. И вот, спустя два часа, под грохот грозы, не думавшей прекращаться, он почему-то вспомнил тот разговор. Ему снова стало не по себе. Он лёг и закрыл глаза. Оксана немедленно оказалась рядом и обняла его. По стеклу стелился сплошной поток, но при вспышках молний сквозь него можно было увидеть гребни холмов, увенчанных соснами. Громовые раскаты звучали то вдалеке, то над самым домом. Во время длительной паузы между ними Олег вдруг

приподнял веки и произнёс:

– На нас кто-то смотрит.

Оксана вздрогнула. Он почувствовал страшный стук её сердца.

– Кто?

– Откуда я знаю?

– Из окна?

– Да.

– Ты меня нарочно пугаешь?

– Нет.

– Тогда это дождь, – чуть слышно, желая скрыть от себя самой паническую нетвёрдость голоса, прошептала Оксана и провела ледяными пальцами по щеке Олега. Он отстранил её руку.

– Дождь?

– Дождь. За городом он живой. И иногда смотрит!

– У него есть глаза?

– Наверное...

– Я боюсь, колею размоет, – тихо сказал Олег и положил руку на самый низ живота своей собеседницы. Она сразу же успокоилась. Слабо шевельнув бёдрами, усмехнулась и томно проворковала:

– Не бойся, «Ниссан» пропрёт!

– А у твоего мужа есть внедорожник?

– Конечно, есть. Да ещё какой! «Тойота Лэнд-Крузер».

Настоящий бульдозер.

– Чёрт, – потёр Олег лоб ладонью и призадумался. Дождь слабел, но, похоже было, мог продолжаться ещё не час и не два. Оксана, тем временем, проявляла весьма заметные признаки нетерпения. Когда ей надоело всячески извиваться, сопровождая все эти трюки матерным сладкоречием, она встала на четвереньки задом к подушке. Вместо пустой болтовни, которая сделалась невозможной, стало звучать осмысленное сопение. Вот уж это проигнорировать было трудно. Но, тем не менее, Олег всё продолжал рассматривать заоконную темноту, чуть повернув голову. Вдруг она, эта заоконная темнота, опять раскололась. Молния полыхнула на этот раз совсем близко, и гром ударил чудовищно. Олег вскрикнул. Быстрым движением оттолкнув от себя Оксану, он повернулся на правый бок и, взявшись руками за подоконник, встал на колени. Его глаза заморгали, изо всех сил вглядываясь в ночь. Громовой раскат, который всколыхнул землю, не отзвучал ещё, разлетался по лесу долгим эхом.

– Придурок! – выдохнула Оксана, схватив Олега за плечи. – Ты что, психованный? У меня придатки свело от страха!

– Я его видел, – тихо сказал Олег. Ладонью он тёр стекло, будто бы оно могло запотеть.

– Кого ты там видел?

– Его! Того, кто на нас смотрел.

– Где он был?

– Снаружи! Стоял, прижавшись носом к стеклу.

– Олег, ты рехнулся! Мы на втором этаже!

– Значит, он взял лестницу!

– Идиот! – рывкнула Оксана, невероятно взбешённая. Со-скочив с дивана, она приблизилась к тумбочке, вынула из неё мощный фонарь, включила его, влезла на постель и, встав во весь свой немалый рост, направила луч в окно. – Никого там нету!

– И лестницы тоже нет?

Оксана не поленилась взобраться на подоконник, распахнуть форточку и просунуть в неё руку с фонарём, а также и голову, чтобы кое-как осмотреть пространство перед фундаментом. Это заняло у неё не более трёх секунд, так что голова даже не успела намочнуть.

– Нету никакой лестницы!

Закрыв форточку, раздосадованная хозяйка странного дома спрыгнула на постель. Погасив фонарь, она убрала его под подушку, плюхнулась на живот и застыла, раскинув длинные ноги. Олег повернулся к ней.

– Но я его видел, видел! – не унимался он. – Абсолютно точно!

– И как он выглядел?

– Худой, бледный, темноволосый!

Оксана не шевельнулась, не издала ни звука. Однако Олег почувствовал, что его слова резанули её по сердцу, как будто он сообщил ей о смерти матери. Антикварные ходики на стене пробивали десять.

– Оксана, что происходит? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Я должна тебе кое-что рассказать, как можно скорее, – отозвалась она деревянным голосом и нащупала его руку.

– Рассказать? Что?

– То, что скорее всего имеет отношение к этому человеку.

– К какому?

– К тому, который смотрел на нас из окна.

Олег, хоть и ожидал этого ответа, едва не умер.

– Ты издеваешься? – спросил он. Но Оксана явно не издевалась. Она воскликнула:

– Ляг! Пожалуйста, ляг!

Он лёг и обнял её. Ему стало холодно и тоскливо от её дрожи.

– Ну, кто смотрел?

– Он! Я думаю, он!

– Да говори, кто?

– Олег, не кричи! Пожалуйста, выслушай всю историю и скажи, что ты о ней думаешь... Я прошу! Ты не представляешь, насколько это для меня важно!

Голос её срывался. Олегу стало казаться, что он доносится из оконной щели.

– Ты сумасшедшая!

– Но ты сам его видел! Олег, ты сам его видел!

Она заплакала, стискивая его трясущимися руками. Он приподнялся и, взяв бутылку, хлебнул. Потом дал Оксане. Она закашлялась. Он похлопал её по мокрой спине с резко

выступающими лопатками. Это не помогло. Помог второй глоток виски.

– Олег, ты – циник, – хрипло проговорила Оксана, всхлипывая. – Железный, непрошибаемый циник... Ты можешь высмеять что угодно! Если высмеешь то, что я тебе расскажу, мой страх улетучится! Если нет —я сойду с ума до утра...

– Я понял. Допей, там чуть-чуть осталось.

Послушно опорожнив бутылку, Оксана бросила её на пол, вытерла рот и быстро залезла под одеяло. Олег сказал, что он готов слушать, и она шёпотом начала:

– В нескольких километрах отсюда, за Гнилым яром, до революции была большая деревня с церковью. Жили в ней одни кулаки – зажиточные крестьяне. В семнадцатом году они отказались признать Советскую власть. Решили обороняться против неё, если будет нужно. Через два года к деревне подошли красные. Бой был страшный. Большевики ворвались в село по трупам повстанцев и порубили всех, кто в нём был, включая детей, стариков и женщин. Село сожгли, а церковь разрушили...

– И что дальше? – поторопил Олег внезапно умолкнувшую подругу.

– А дальше – вот что. Те, кто церковь ломал, и года не протянули: кто утонул, кого расстреляли, кого убили, кого безобидный бык забодал, кто с ума сошёл и повесился... Один сам подох, другой сгинул. Ну, и так далее.

Тут Оксана снова сделала паузу, чтобы прислушаться. Олег взял сигареты и закурил.

– От той церкви ни одного целого кирпича не осталось, а от домов – ни одной дощечки, ни одной щепочки, – продолжала рассказчица, – и подступы к пепелищу быстро заросли дебрями. Появились даже болота. Но как-то раз, осенью тридцать третьего года, один охотник из близлежащей деревни, которой теперь уже также нету, ночью забрёл-таки в Гнилой яр, и – увидел церковь! На прежнем месте!

– Уже довольно смешно.

– А когда он утром пришёл домой, его не узнали. Уходил молодой, вернулся седой! Следующей ночью человек двадцать отправились в Гнилой яр. К самому оврагу пролезли, долго стояли, смотрели, однако видели лишь луну, болото и чащи. Но страшный слух пополз по округе, и вовсе не потому, что ночной охотник увидел церковь – мало ли, померещилось, всё бывает – а потому, что он вскоре вдруг исчез при крайне загадочных обстоятельствах...

– Утонул, должно быть, в болоте, – предположил Олег, – он, видимо, пьянь был редкая!

– Он был трезвенник, но неважно. Важно другое. Эта история повторилась в разные годы с ещё тремя мужиками из разных сёл. Каждый, придя поутру из леса, всех уверял, что видел мёртвую церковь. Дней через пять – исчезал. Бесследно и навсегда!

– И когда последний исчез?

– В шестьдесят четвёртом году. Это был отец деда Сашки, изба которого к ручью ближняя. Завтра сам с ним поговори, если мне не веришь! Ну, а теперь я перейду к главному...

Её голос дрогнул, и кто-то словно провёл по спине Олега кусочком льда. Прежде чем рассказ был возобновлён, Олег быстро погасил окурок и предложил:

– Давай сперва выпьем.

– Ладно. НО только ты принеси, пожалуйста.

Спрыгнув на пол, Олег наощупь отыскал тумбочку, выхватил из неё первую попавшуюся бутылку и со всех ног вернулся к Оксане. До этого он не раз пытался понять, почему трясущиеся от страха люди жмутся друг к другу, как вымокшие цыплята. Ему казалось невероятным то, что страх с такой лёгкостью заглушает потребность быть молодцом – ту самую, подчиняясь которой люди столь фанатично трудятся, предают, воруют и убивают. Ответа не было и теперь, когда молодцом перестал казаться он сам. Из бутылки жгуче пахнуло пятидесятитрёхградусным коньяком.

– Под такой рассказ я бы предпочёл воздушную кукурузу и крепкий кофе, – соврал Олег, слегка смочив горло. Оксана приподнялась. Выпив с треть бутылки, она откинулась на подушку и натянула тонкое одеяло до подбородка. Минуты две был слышен лишь дождь. Олег уж решил, что его подруга уснула, и счёл, что это, пожалуй, к лучшему, но она вдруг снова заговорила, на этот раз – не шёпотом, а вполголоса:

– Перед тем, как сгинуть, каждый из четырёх исчезнув-

ших говорил около деревни с красивым, бледным, темноволосым мужчиной лет тридцати, одетым как горожанин, и никому не хотел сказать, что было от него нужно этому человеку. Потом шёл в лес и больше не возвращался.

Над западными холмами вспыхнула молния, и Олег увидел лицо Оксаны, порозовевшее от ядрёного коньяка. Но этот румянец казался плодом труда санитара в море.

– А кто-нибудь, кроме сгинувших, видел этого типа?

– Многие его видели со спины, когда он беседовал с обречённым и шёл потом через поле к лесу. Но как-то раз одна молодая женщина повстречалась с ним на опушке. Он поздоровался с ней. Прибежав домой, она его описала пятью словами, как это делали сгинувшие: красивый, бледный, темноволосый, лет тридцати. После этих слов она сразу онемела. А через месяц и вовсе сошла с ума.

– Когда это было?

– В шестьдесят пятом году.

– И в шестьдесят пятом году он выглядел так же, как в тридцать третьем?

– Да, абсолютно. И так же, как в две тысячи первом – если, конечно, ты хорошо его разглядел.

Олегу вдруг показалось, что время стоит на месте. Причиной этого ощущения был, наверное, монотонный шелест дождя и ровный вой ветра. Настолько ровный, что можно было подумать – гудит турбина.

– Этот твой горожанин мне померещился, – заявил

Олег, – я недавно слышал, что виски – самый галлюциногенный напиток.

– Только пожалуйста, ради бога, не неси чушь! – взмолилась Оксана, пихнув Олега ладонью в бок. – У меня придатки болят от страха, а ты вцепился в бутылку, как зэчка в член, и даже не знаешь, что мне сказать! Скажи что-нибудь! Ведь это тебе нетрудно, у тебя нервы – из стальной проволоки! Ты конченный уголовник! Я это знаю!

– Откуда?

Вопрос застал Оксану врасплох. Но её растерянность, как обычно, продлилась лишь один миг.

– Только уголовник способен ударить женщину по лицу!

– А ты знаешь, кто он? – спросил Олег.

– Горожанин?

– Да.

– Знаю.

– Кто?

– Ты с ума сошёл!

– Почему?

– Потому что если он рядом, его нельзя называть! Назовёшь – придёт!

– А ты этого не хочешь?

– Олег, ты псих?

– Разумеется. Из тюрьмы не психами не выходят. Ты, я гляжу, обо мне очень много знаешь, хоть и не говоришь, откуда! Так пусть он скажет...

Олег набрал полную грудь воздуха, не подумав, что будет делать, если Оксана сразу же не зажмёт ему рот ладонью. Но у неё хватило трусости и проворства, чтобы совершить эту глупость. От быстроты движения одеяло упало на пол.

– Олег, не надо! Пожалуйста, не кричи! Я всё объясню. Понимаешь, я... я нечаянно пролистая твою записную книжку, когда ты спал.

Грубо отпихнув её руку, Олег улёгся. Оксана пьяно шлёпнулась рядом.

– Под четырьмя телефонными номерами я увидела клички. Одну из них я много раз слышала...

– От кого?

– От мужа! Он говорил, что это бандит! Ужасный бандит! Олег, ведь ты не предприниматель и не политик! Какие у тебя дела могут быть с бандитами, если ты – не один из них?

– Я им денег должен.

– За что?

– Я брал у них в долг.

– На что?

– На стартовый капитал для бизнеса.

– Хватит врать! На рулетку ты у них брал, потому что ты на ней помешался!

Олег зевнул и закрыл глаза. Темнее не стало.

– Что ж ты молчишь? Должно быть, я неправа? Тогда объясни, что это за формулы и рисунки на десяти страницах?

– Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу знать – так, на всякий случай, до какой степени ты свихнулся!

– Не до последней. Чертей пока не боюсь.

Оксане без одеяла было неплохо, ибо коньяк всюду уже грел её изнутри. Верная привычке не оставаться в долгу, она начала конструировать чрезвычайно сложную фразу, шепча её по кусочкам. Олег порой не мог отличить её шёпот от дождевого. Дважды звучало бульканье, сопровождавшееся запахом коньяка. Наконец, Оксана провозгласила, стукнув бутылкой по полу:

– Миллионы умных людей ценой всего своего имущества доказали, что технологии беспроеигрышной игры в рулетку не существует!

– Так значит, нужно её создать.

– Это путь в психушку! Или в петлю! Сам изобретатель рулетки сошёл с ума и повесился!

– Да, но не потому, что не смог раскрыть её тайну. Он её знал.

– Тогда почему?

– Потому, что сильно хотел, но не мог применить на практике своё знание. Это было бы для него абсолютно то же, что трахнуть дочь.

– Да всё это бред! – взорвалась Оксана. – Какая тайна рулетки? Рулетка не подчиняется никаким законам и никаким расчётам не поддаётся!

– Всё во Вселенной подчинено строжайшим законам, и

полёт каждой снежинки рассчитан за миллиарды лет, – возразил Олег.

– Кто тебе покажет эти расчёты?

– Ты не хотела, кажется, чтобы я его называл.

– Ах, вот оно что!

Хихикнув, Оксана перевернулась со спины на живот и стала болтать ногами.

– Так вот мы, значит, какие! Душу собрались продавать?

– Я этого не сказал.

– Сказал! Теперь-то я поняла, почему меня охватил мистический ужас при виде этих дурацких формул.

– Это естественно, что тебя охватил ужас при виде формул из высшей алгебры. Для тебя, насколько я знаю, и арифметика – тёмный лес.

– Какая там алгебра? Это чёрная магия, а не алгебра!

– Это алгебра. Я иду по двум направлениям...

– Показать, куда ты идёшь?

Олег не ответил. Рука Оксаны легла на его живот и нежно скользнула по нему вниз. Он её отбросил. Но даме было охота повеселиться.

– Ой! Жеребец совсем одичал! Придётся его объездить.

Ходики пробили десять тридцать.

– Я поняла, ты идёшь по двум направлениям, – пропищала Оксана, звонко хлопаясь попой о напряжённые бёдра партнёра. – Первое – математика. А второе?

– Ангелология.

– Это что, наука такая?

– Да, наука такая.

– Но ты сказал... Ах, я и забыла: он – падший ангел!

Олег ответил матерной рифмой. Оксана сбавила темп.

– Ты думаешь, он не ангел? Кто ж он, по-твоему?

– Отвяжись.

– Олег, ну скажи! Ты знаешь, я всё равно не отстану! Кто он?

– Никто.

– То есть как?

– Вот так. Его нет. Он не существует. И никогда не существовал. Библия писалась иносказательно, потому что иначе ни один долгожитель не прочитал бы её от корки до корки.

Оксана вновь заскакала, как баскетбольный мячик. Олег не любил, когда она умолкала, получив информацию, требующую разъяснения, и продолжил:

– Я много раз рисовал под кайфом людей, которых нигде никогда не видел. Потом вдруг встречался с ними! Реально.

– А ты уверен, что до того, как ты их нарисовал, они не существовали?

– Уверен.

– Олег, это не ответ!

– Ответ.

– Хорошо. Тогда объясни, пожалуйста – почему ты решил, что он вдруг тебе откроет тайну рулетки, а не пошлёт тебя на три буквы, как я бы, например, сделала?

– Ты вряд ли бы это сделала, если бы у меня было чем тебя запугать.

– И чем же ты, интересно, собрался пугать того, кого все боятся? Справкой из психдиспансера?

– Я...

– Заткнись! – вскричала Оксана. Перестав прыгать, она повернула голову и прислушалась. Затаил дыхание и Олег. Через две секунды по его телу пополз озноб. Ещё через две секунды он и Оксана стояли перед окном на коленях, прижавшись лбами к дрожащему под напором ветра стеклу. Темноту за ним рассекал, качаясь, дальний свет фар. Было очевидно, что приближается он из просеки. Сквозь шум ветра уже отчётливо доносился моторный рёв. Нарастал он медленно и неровно, то утихая, то расползаясь на километры. Машина двигалась еле-еле, с трудом преодолевая вязкие буераки.

– Это не он, не он, – сдавленно шептала Оксана, лбом колотясь о стекло, – конечно, не он! Что ему здесь делать?

К счастью для лба или для стекла, рытвины вне леса были поменьше. Успешно въехав в овраг, могучий автомобиль пополз напрямиком к коттеджу и вскоре остановился под его окнами, освещая ржавую сталь гаражных ворот. Она дала сильный отблеск. Благодаря ему Олег и Оксана смогли как следует разглядеть машину. Это был большой чёрный джип, «Тойота Лэнд-Крузер».

– Твою мать! – завопил Олег, ударив себя обоими кулака-

ми по голове, на которой волосы встали дыбом. Оксана же, пожирая глазами мрак за стёклами джипа, с адской усмешкой проговорила:

– Он не один! Конечно, он не один!

– А с кем? – простонал Олег. – Ничего не вижу! Кто там ещё?

– Да с бабой он, с бабой! Ты что, не чувствуешь? Бабой пахнет!

Из джипа, точно, вылезли двое: обтянутый плащом шкаф, на котором, кажется, стоял глобус в кожаном картузе, и – пышно завитая, небольшого роста блондинка в изящном брючном костюмчике. Она сразу раскрыла над собой зонтик. Шкаф же направился к гаражу, позвякивая массивной связкой ключей.

– О Господи, твоя воля! – возликовала Оксана, прыгнув с дивана. – Мы спасены! Сейчас я этого идиота буду на части рвать... Одевайся, живо!

Олег просить себя не заставил, торопить – тоже. Впрочем, Оксане было не до того. Задом наперёд надев блузку, она просунула ноги в юбку и, суетливо натягивая её на голую задницу, выбежала из комнаты босиком. Винтовая лестница затряслась и загрохотала под её ножками так, что можно было подумать – по ней спускается пьяный слон, а не босоногая дама, помешанная на фитнесе. Вслед за тем внизу залязгал замок, заскрипела дверь и раздались вопли:

– Ублюдок! Сволочь! Козёл! ...! Подонок! Урод! Тварь!

Сука!

Голос, конечно, принадлежал Оксане. Вторая женщина завизжала без всяких слов. Судя по всему, Оксана задалась целью выпрямить её кудри. Обтянутый плащом шкаф вроде бы не двигался и молчал. Но предполагать, что он взял да умер от страха перед супругой, было бы слишком наивно, и потому Олег, кое-как одевшись, не стал терять время даром. Включив ночник, он на всякий случай проверил свои карманы и убедился, что записная книжка, водительские права и ключи – на месте. Потом он вытряхнул над постелью сумку Оксаны. Тут под окном, наконец, послышался мужской голос:

– Оксанка, что за истерика? Ты взбесилась? Немедленно отцепись от неё! Это знаешь, кто? Это мой партнёр! Да, да, деловой партнёр! Ты что, дура, делаешь? Ты мне тупо срываешь переговоры!

– Переговоры, скотина? Переговоры?

И – опять визг, опять звон хороших пощёчин. На одеяло вывалились из сумочки документы, флаконы, тушь, пудреница, прокладки, помада, презервативы, три фотографии и бумажник. Этот последний предмет заинтересовал Олега. Вытащив из него приличную пачку долларов, он засунул её во внутренний карман куртки и застегнул на нём молнию. Отшвырнув бумажник, вспомнил про бриллианты Оксаны, которые та сняла, как только вошла. На ней были серьги, колье, браслеты и три кольца. Куда дела? Олег решил обсле-

довать тумбочку. Не успел. Внутри круглой штуки, которая показалась глобусом на шкафу, началось движение.

– Интересно, а ты сама что здесь делаешь? Кто там, в доме? Любовник твой?

– Я забыла здесь документы! – заверещала Оксана. – Паспорт, права...

– А ну, отцепись! Отцепись, сказал! Убью, сука!

Оксана жалобно заскулила, видимо, получив по морде. Грохнула дверь, и коттедж затрясся от исполинских шагов по нижнему этажу, а затем – по лестнице. Олег понял, что его жизнь повисла на волоске. Решительно схватив тумбочку, весившую не меньше его самого, он каким-то чудом поднял её над собой и что было силы шарахнул ей по окну. Со звоном и грохотом проломив дубовую раму, тумбочка провалилась в ночную мглу и, кажется, рухнула на «Тойоту». Незамедлительно вслед за тем Олега постигли крупные неприятности, ибо шкаф, вломившийся в комнату, оказался всё-таки человеком, притом в самом отвратительном смысле этого слова. К примеру, в ответ на «здравствуйте», торопливо сказанное Олегом, его схватили за горло. Да ещё как! Гориллыми лапами! Спасло то, что они оказались мокрыми, скользкими, и он вывернулся. Ударил – рукой, ногой. Бросился к окну. Хозяин коттеджа, даже не шелохнувшийся от ударов, запустил руку в карман плаща и с неуловимой, мастерской быстротой достал пистолет.

С разбегу ныряя в мокрую пасть окна, оскаленную урод-

ливыми клыками, Олег успел попросить и Бога, и чёрта, в коих не верил, не зажигать над оврагом молний. Ему вдогонку прогремел выстрел, и недурной – писклявый свинец, едва не задев его, пролетавшего над «Тойотой», вонзился в землю около голых ступней Оксаны. Та всё ещё продолжала держать соперницу за её роскошные волосы. Обе девушки поспешили с визгом отпрыгнуть. Олег, тем временем, приземлился и кувырком скатился на самое дно оврага, к ручью. В его голове промелькнула мысль, что если бы дождь не размягчил землю, обманутому супругу далее не пришлось бы тратить патроны.

Глава вторая

Невеста

Ревнивый муж, между тем, уже приближался, покинув дом точно так же, как это сделали тумбочка и Олег. Оксана с блондинкой выли не хуже, чем две сирены. Кое-как встав, Олег побежал – не видя, куда, но быстро. Мстительный шкаф помчался за ним. Для шкафа он бегал весьма неплохо.

Дождь едва моросил. Молнии сверкали на горизонте. Олег бежал вдоль ручья, то и дело соскальзывая в него, иногда – намеренно, потому что местами береговая трава была чересчур густой и цеплялась за ноги. Раз, когда он спрыгнул в ручей особенно шумно и чуть замешкался, сзади прогрехотали два выстрела. Одна пуля коснулась его волос. Он не

обратил на неё внимания, потому что думал, куда направиться дальше. Он знал, что слева – почти отвесный глинистый склон, вздымающийся к звериным чащобам, справа – луг и холмы, а что впереди – не помнил. Ему казалось, что лучше бежать туда. Спасла его молния, вспыхнувшая поблизости. Он увидел, что впереди сужающийся овраг сплошь зарос кустами – не продерётся. Тогда он свернул к восточному склону, рассчитывая на то, что грузный преследователь не сможет на него влезть.

Расчёт совершенно не оправдался. Бывший спецназовец оказался опытным скалолазом. Карабкаясь по двадцатиметровому склону вслед за соперником, он буквально дышал на подошвы его кроссовок. Правда, его дыхание было хриплым. Олег дышал чуть ровнее. На его счастье, преследователь был вынужден держать пистолет в кармане, а не в руке. Иначе бы он сорвался. Лес подступал вплотную к обрыву. На грани потери сил преодолев верхний уступ склона, Олег ужом нырнул в чащу. Рогатый муж ринулся за ним, достав револьвер. Олегу хотелось верить, что уж в лесу-то будет попроще. Но вдруг большая берёза, каким-то образом проскользнув между его рук, которые он вытянул вперёд, дала ему по лбу. С её стороны это было свинством. Олег упал, но сразу вскочил и побежал дальше. Револьвер вновь дважды рывкнул ему вдогонку, и вновь бессмысленно – пули с хрустом вошли в сосну.

Лес был вековым, местами почти совсем непролазным.

Но Олег двигался сквозь него со скоростью гончей, взявшей хороший след. Упругие сучья в кровь раздирали ему лицо. Врезаясь ногами в пни, коряги и корни, он падал так, что потом едва мог подняться. Кровь хлюпала и в носу, которым он дважды пропахал землю. Очередной кувырок привёл к катастрофе – правую ногу пронзила боль, да такая, что Олег вскрикнул. Вытянувшись ничком, он решил не двигаться до рассвета. Но не прошло и минуты, как позади раздались быстрые шаги. Они приближались. Выбора не было, и Олег заставил себя вскочить. Стискивая зубы, он вновь устремился в глубину леса. Точнее – заковылял, волоча сведённую болью ногу. Дождь, вдруг усилившись, заглушил шаги беглеца, и Оксанин муж обогнал его совсем рядом. Он пробежал так близко, что его плащ, раскинувшийся от ветра, задел Олега. Тот сразу же свернул влево и прошептал: «Дождь – живой, Оксанка права... Спасибо!»

Боль становилась дикой. Некоторое время он преодолевал её, продолжая идти. Потом поскакал на одной ноге, хватая руками стволы деревьев. Потом пополз, приняв одну из двух поз Оксаны. Этот способ передвижения по лесу показался ему куда более приемлемым, чем ходьба. Боль стихла, и голова прояснилась. Он попытался сориентироваться и, вспомнив о том, что шоссе проходит на юге, решил к утру до него добраться. Лишь минут через сорок, когда ладони были изодраны до костей, его осенила мысль, что юг от востока – справа, а он с восточного направления ушёл влево. Чуть не

заплакав, он повернул, как ему казалось, обратно и, оставляя кровавый след, пополз по краям глухих медвежьих оврагов к болотистой середине леса.

Гроза и лес надменно разглядывали друг друга. Если б их взоры упали вдруг на Олега, он бы, наверное, сразу умер. К счастью, им было не до букашек. Лес походил на скопище монстров, тянущих руки к горлу ещё более ужасного монстра с огненными глазами и мокрой пастью.

Тело Олега, всё сплошь покрытое синяками, шишками и следами зубов Оксаны, вдруг охватил болезненный жар. Буквально с каждой секундой теряя силы, Олег заполз в густой ельник, заполонивший маленькую лощину, плотно забился под многолетнюю буреломину и затих. Вернее сказать – только попытался затихнуть, ибо дыхание вырывалось из него хрипом. Ёлки плотной стеной обступали трухлявый кряж, под которым он затаился. Меж ними густо росла крапива и лежал хрусткий, ломкий валежник. Под буреломиной было сухо, хоть дождь лил сильный. Пахло землёй, мухоморами и древесной гнилью. Закрыв глаза, Олег моментально впал в ненормальный, бредовый сон.

Его разбудил валежник. Разомкнув веки, Олег прислушался. Тихий треск повторился... В ельнике кто-то был! Медведь? Человек? Этот кто-то медленно приближался. Облизав губы, Олег тихонько выбрался из-под кряжа, чудом без хруста прополз под ёлками и, встав на ноги, зашагал. Решил: будь что будет, не побегу. Пройдя километров во-

семь, он вспомнил, что у него болела нога и был сильный жар. Боль тотчас вернулась, а жар, казалось, остался под буреломиной. Прислонившись к осине, Олег размазал по лицу грязь. Тишину, хранимую лесом на много вёрст, нарушал лишь дождь.

Олег пошёл дальше и вскоре понял – нужно как следует отлежаться, иначе он, пожалуй, свихнётся от болевого шока. Встреча с врагом его уже не страшила. Он знал, что ушёл чёрт знает куда. Ему шептала об этом каждая капля, стекавшая по щеке.

Но всё-таки для привала Олег спустился в глубокий, узкий овраг, заросший кустами. Продравшись в самую гущу зарослей, обнаружил ручей, струившийся среди мшистых кочек. Он оказался как нельзя кстати. Олег припал к нему по-звериному, опершись руками о каменистое дно. Вода была ледяная. Заныли зубы. Напившись, Олег умылся и растянулся возле ручья. Но уснуть не мог – болела нога. Капельки дождя, сбегая по стеблям и нежно падая на его лицо, ползли по нему, как слёзы.

Так пролежал он довольно долго, прежде чем понял – надо вставать, иначе потом возникнут проблемы с почками. От земли шёл холод. Он пробирал до костей. Поднявшись, Олег ценой немалой потери крови из израненных рук сломал ствол орешника, острым камнем укоротил его до размера трости, покинул с нею овраг и продолжил путь. Тросточка весьма ему помогала.

Дождь не стихал. Спустя полчаса чаща расступилась перед Олегом, и он пошёл среди рощ, лужаек и бугорков. За ними стоял пахучий сосновый бор. Олег пересёк его под уклон, и его глазам предстали туманные очертания раскинувшейся среди лесов широкой низины. Большую её часть занимало круглое озеро с берегами, густо поросшими камышом и осокой. Над ним клубился туман. Увидев эту картину, Олег несколько не удивился. Предполагая, что берега у озера топкие, он решил обойти его краем леса. Как только он повернулся и сделал шаг, его осенило... Едва не вскрикнув, он поглядел на низину. И – ничего уже не увидел. А что он, собственно, мог увидеть дождливой ночью цвета копрки? Лесное озеро под молочно-белым туманом?

Олег стоял и хлопал глазами. Что это было? Галлюцинация? Наваждение? Но туманная дымка по-прежнему отмечала края низины, мокрая темнота не имела над нею власти! Решив ни о чём не думать, Олег ссутулился и поплёлся дальше, косо поглядывая на эту сизую дымку.

Между низиной и краем леса росли дубы. Вода звонко шлёпала по их всё ещё густым и зелёным листьям, против желания помогая тому, кто шёл уже за Олегом, тяжело глядя ему в затылок.

Сильно сгибая палку о землю при каждом шаге, Олег добрёл до угла прибрежного леса. Дальше была прогалина, застеленная, как и край низины, молочной дымкой. Олег здесь остановился, гадая, куда пойти. Но тут молния обозна-

чила за прогалиной три холма, узко разделённых оврагами, и дыбющийся за ними широкий склон лесистой возвышенности. Подумав, Олег решил взойти на эту возвышенность и дожидаться на ней рассвета, чтоб оглядеть округу. Все три холма примыкали к большому склону, и Олег счёл, что наикратчайший путь к нему – по любому из этих самых холмов. Устремившись к ним по густой, высокой траве, он сразу набрёл на узенькую тропинку, тянущуюся туда, куда ему было нужно, и зашагал по ней, даже не задавшись вопросом, кто и зачем её проложил.

Тропинка, точно, вползала на один из холмов. Поднявшись до середины склона, Олег услышал сзади шаги. Он резко остановился. Шаги немедленно стихли. Стало слышно дыхание – неглубокое, через нос. Будь оно чуть менее учащённым, с ним бы, пожалуй, слился шорох травы, колеблемой ветром. Олег не двигался с места, решив – пускай убивает. На беготню и драку сил уже не осталось.

Так простоял он минуту или чуть более, а потом за спиной у него послышался детский плач. Олег обомлел. Ребёнок! Ребёнок идёт за ним! Совсем маленький! Потерялся? Как было не оглянуться, не подойти, не взять на руки? Но внезапно обожгла мысль: этому ребёнку – не больше года, разве такой может передвигаться сам с быстротою взрослого человека? Плач оборвался тотчас, едва эта мысль возникла. Олег почти побежал к вершине, твердя себе, что это пройдёт. Разве можно было не заболеть, так сильно измучившись

и продрогнув? Но не беда, не беда! Рассвет уже скоро. Страх и болезнь уйдут вместе с ночью.

Когда подъём завершился, путь преградили густые ёлки. Протиснувшись между ними на открытое место, Олег слегка отдышался и вытащил из кармана брюк зажигалку, чтобы взглянуть, как пройти к возвышенности. Шипящее пламя затрепетало под ветром.

Олег стоял на краю обрыва. Трость выпадала из его пальцев. Рука, сжимавшая зажигалку, дрогнула. Огонёк погас. Из горла Олега вырвался хриплый смех. Нет, это уж слишком... Ни Бог, ни чёрт не способны на столь жестокое издевательство! Быть такого не может. Нигде, ни разу, ни при каких обстоятельствах. Никогда. Во веки Веков! Аминь!

Вбив себе в сознание эту мантру, Олег опять крутанул колёсико зажигалки. Оксанкин муж скользнул по нему равнодушным взглядом и отвернулся. Всем телом. Оно раскачивалось над пропастью. Толстый сук огромного дуба, к которому был привязан конец верёвки, трещал и гнулся. Должно быть, висельник перестал трепыхаться совсем недавно – ветер не мог так сильно его раскачивать. Небо стало чуть-чуть светлее. Но это был не рассвет. Увы, не рассвет.

Проходя по длинной и узкой кромке между двумя оврагами на возвышенность, Олег думал, где и когда он умер. Не муж Оксанки, а он, Олег. Решил, что под буреломиной. Ад – для мёртвых. Значит, он мёртв. Ад у него с детства ассоциировался не с физической болью, а с бесконечным ужасом и

тоской. Что ж, ассоциации оказались правильными.

Он понятия не имел, зачем продолжает идти к вершине горы. При этом шёл так, будто ему было куда спешить. Почти не хромал. Ни о чём не думал. Дёргающая боль буравила мозг, спасая от худшего – от уединения с безысходностью. Лес редел по мере подъёма. Дождь продолжался. Белые клинки молний резали темноту с отрывистым, глухим треском.

На вершине росли берёзы и сосны. Идя меж них, Олег не заметил, как отступила боль и разжались клещи, стискивавшие сердце. Он вдруг представил, какой волшебной стала бы ночь, появившись на небе месяц и звёзды. Москву, наверное, было б видно с такой горы! И точно – подступив к краю, он ощутил громадную высоту. Душа его застонала, но не от ужаса. Тут его не могло и быть, потому что это была высота не склона, а звёзд Млечного пути. Он манил Олега все тридцать лет его жизни приступами туманной тоски, невообразимо далёкой для понимания и немислимо близкой для молчаливого разговора глаза в глаза. Нормальных людей она будоражит только во снах, сразу забывающихся навеки, а он, Олег, без неё не видел бы ни малейшего смысла жить. Она была необъятнее и таинственнее Вселенной, эта тоска. И ночь, окутавшая лесистую гору, дышала ею. Заворожённый, стоял Олег над обрывом и упивался зовом непостижимого.

Кто-то тронул сзади его плечо. Он медленно повернулся – без любопытства, без страха, но с раздражением на того,

кто посмел прервать его одиночество. Повернувшись, оторопел. Перед ним стояла красивая молодая женщина под фатою. Она держала свечу, огонёк которой не ёжилась под дождём и не колыхался от ветра. Олег не знал, что и думать. Стоял, смотрел.

– Что ж, пойдём, – сказала невеста, взяв его за руку выше локтя. Голос у неё был девчачий, звонкий. Но по её лицу, обрамлённому тёмно-русскими волосами, Олег заметил, что ей не меньше лет, чем ему: около рта – складка, в глубине глаз, огромных и синих – мёртвая пустота, прогрызенная годами.

– Куда пойдём? – спросил он.

– Как куда? Венчаться!

Тут за оврагом вдруг раздалось церковное пение, зазвонили колокола. Женщина тянула Олега к пропасти. Он упёрся, панически возразив:

– Мне нельзя венчаться! Никак нельзя! У меня есть жена... И дети!

– Не беспокойся. Они умрут, едва мы приблизимся к алтарю.

Возмущённо ахнув, Олег решительно вырвал руку из её пальцев. Тогда она усмехнулась и начала отступать к обрыву.

– Стой, упадёшь! – заорал Олег. Она захихикала, показала ему язык, а потом поставила ногу на пустоту, и – пошла по ней, как по полу, над гулкой пропастью, жестами призывая его последовать за собою. Он не отреагировал, потрясённый. Тогда она вдруг застыла и приложила палец к губам. Коло-

кола смолкли. Пение смолкло. Дождь прекратился.

– Иди сюда!

Не голос это был – ветер. Олег мотнул головой. Невеста ощерилась, как волчица, однако сразу опомнилась, и её глаза засветились нежностью.

– Там, внизу, ребёнок какой-то бегают, – не замедлил Олег воззвать к её столь внезапно проснувшейся доброте. – Случайно, не твой?

Она не ответила. Её взгляд был уже направлен не на Олега, а на того, кто стоял за его спиной. Олег обернулся бы, но его внезапно потряс этот её взгляд – тревожный, растерянный, умоляющий.

– Я тебя где-то видел! – воскликнул он, проводя ладонью по лбу. – Абсолютно точно! Кто ты такая?

– Так будет лучше, – тихо, но твёрдо произнесла невеста, вернув глазам спокойное выражение. Её пальцы, стискивавшие свечку, выпрямились. Свечка полетела на дно оврага, не взяв с собою свой свет. Синеватый, мертвенный, едкий, он трепетал вокруг девушки, как лоскут тончайшего шёлка. Не отрывая глаз от Олега, она рванула на груди платье. Раздался треск, и грудь обнажилась. Она была хороша, но не до неё вдруг стало Олегу. На шее девушки он заметил след от верёвки.

– Что ж ты стоишь? – страдальчески прошептала ночная странница, вскинув голову. – Разве есть во мне какой-нибудь недостаток?

– У тебя слишком длинная шея, – съязвил Олег. Девушка обиженно заморгала. Мгла раскололась молнией на полнеба, и Олег ясно увидел за пропастью, посреди долины, со всех сторон окружённой лесом, большую белую церковь с золотым куполом без креста. Около неё кто-то был.

Темнота вернулась без незнакомки. Гору всколыхнул гром, потом наступила мёртвая тишина.

Олег глубоко задумался. Не о церкви. О девушке. Где и когда он мог её видеть? Ему казалось, что это было недавно. Совсем недавно.

Она опять подошла к нему со спины, опять прикоснулась и отступила на шаг, прижимая к телу почти оторванный лоскут платья. В серебряном луче месяца, просочившемся сквозь белёсую, отошавшую тучу, её глаза казались усталыми и печальными. Некоторое время она не сводила их с глаз Олега, а вслед за тем повернулась и пошла вниз по лесному склону горы. Олег на сей раз поспешил за нею, задавшись целью любой ценой добиться от неё объяснений. Однако странное дело – хотя невеста шла не спеша, а Олег летел со всех ног, её силуэт, белевший среди деревьев, не приближался. Это досадное обстоятельство не ошеломило Олега – он за последние два часа чего только не увидел, но озадачило. Он счёл за лучшее сбавить скорость, чтобы не тратить силы впустую, и попытаться наладить с висельницей контакт.

– Ты куда летишь-то? – весело крикнул он, слегка отдышавшись. – Ты погоди! Стой, говорю, дура!

Сие любезное предложение было безмолвно отклонено. Невеста лишь обернулась, и её взгляд дал понять Олегу, что глотку драть смысла нет. Тучи, между тем, разошлись. На небе горели звёзды. Дул звонкий ветер. Перед холмом, где Олег оставил свою добытую кровью трость, девушка свернула направо. Олег был этому очень рад. Ему не хотелось ещё разок повстречаться с мужем Оксаны, даже остывшим. Путь был продолжен низинным смешанным лесом. Попадались прогалины, и на каждой Олег бросался вперёд, и всякий раз без толку – расстояние между ним и странной невестой не сокращалось. Вскоре он вдруг заметил, что его спутница взяла направление на Большую Медведицу. Желая проверить точность своего наблюдения, он стал смотреть на звёзды больше, чем под ноги, и споткнулся. Когда вскочил, невесты впереди не было. Она словно растаяла без следа. Постоял Олег, присматриваясь к кустам и деревьям, слушая ветер, и пошёл дальше на Большой Ковш. Через полчаса над лесом взошла заря, и он начал ориентироваться по ней. Ещё через полчаса холодное солнце залило небо дымчатой синью. Стали перекликаться птицы на мокрых ветках. Олег шагал очень быстро, чувствуя себя так, как будто он всю ночь спал. Нога не болела. Даже и не успев устать, он разглядел издали, находясь на высокой круче, знакомый овраг с избушками и кирпичным домом.

Спускаясь, вспомнил. И озарение было настолько ошеломляющим, что он чуть не свалился. «Тойота» с помятой

крышей стояла на прежнем месте. Рядом валялась тумбочка. Дверь коттеджа была распахнута настежь. Входя по узкой винтовой лестнице на второй этаж, Олег услышал за дверью гостиной глухой, прокуренный стариковский голос:

– Что ж, стало быть, за милицией надо ехать!

– Ты, дед, пошарил бы по лесу с карабином, – раздался голос Оксаны.

– Да по такому лесу пять лет можно шарить без толку, – возразил собеседник и, помолчав, прибавил: – Хоть бы один из них возвратился! Видать, неблизко ушли они.

– Или замочили друг друга.

Это произнесла не Оксана, а женщина с куда более то-
неньким голосочком. Первая сухо отозвалась:

– Твоими устами, Светочка, мёд бы пить!

Олег рванул дверь. Вошёл. Сразу за порогом остановился.

– Ты деньги не потерял? – спросила сидевшая за столом Оксана, встретив вошедшего небольшим движением бровей вверх. На ней были блузка, юбка и бриллианты. Бок о бок с нею сидела любовница её мужа. Напротив них громоздился дед-бородач в защитного цвета куртке, брезентовых шароварах и сапогах. За его спиной на спинке стула висел охотничий карабин. Оглядев Олега словно змею, упавшую с чердака, блондинка и дед пытливо уставились на Оксану.

– Я спрашиваю, ты деньги не потерял? – повторила та, хлебнув из стакана водки.

– И это – первое, что ты хочешь знать? – поинтересовался

Олег.

– А об остальном тебя менты спросят, не беспокойся! Даю совет – верни то, что взял, иначе я с ними так пообщаюсь, что ни один адвокат даже не возьмётся тебя отмазывать от пожизненного! Понятно, сволочь?

Олег вдруг снова почувствовал, что на нём не осталось ни одного квадратного сантиметра, не испытывавшего жгучей боли во время милой прогулки по лесу. Опустившись на стул, стоявший у двери, он произнёс:

– Ты лучше заткнись...

Оксана, смолчав, взяла сигареты и закурила. Она при этом демонстративно переводила глаза с одной вилки на другую, а их лежало на столе несколько. Присмотревшись к блондинке, которую звали Света, Олег про себя отметил, что у покойника был, как ни странно, хороший вкус. Она пила джин. Старик хлестал водку, как и Оксана. Курил он, судя по зловонному дыму, медленно уползавшему в форточку, самосад. Круглый стол трещал от бутылок, фруктов, колбас, сыров, салатов и пицц. Очевидно, всё это было извлечено из «Тойоты».

– Джеймс Хэдли Чейз неплохо бы заплатил за такой сюжет, – пафосно похлопал Олег в ладоши, – одна притаскивает любовника, вторая же – её мужа. Один из них другого точно убьёт, потому что оба – придурки. Будет ли муж убит или же в тюрьме его грохнут, поскольку он – бывший мент, Оксаночка – в шоколаде. Одних счетов, поди, на два-три мил-

лиона долларов! И это – примерно сотая часть от всего наследства. Оксаночка, верно я говорю?

– Как? Одних счетов – на два или три миллиона долларов? – мелодично ахнула Света, хлопнув глазами и поглядев на Оксану. Та, потушив сигарету, сделала бровки домиком и дурашливо пропищала, от слова к слову владея собой всё хуже:

– Не угадал! На пять миллионов. Но вряд ли стоит завидовать – эти деньги достались мне не задаром. С ублюдком спать – не сгущёнку жрать. Я не про него, про тебя! Спроси Светку, как она меня умоляла пойти на этот кошмар! Ты уже успел посчитать мои деньги в разных активах? Ну а теперь посчитай, сколько тебе светит за то, что ты меня тут насильовал и моего мужа убил – если я тебя, конечно, сама сейчас не убью, а лишь изуродую!

Чуть не с пеной у рта Оксана упёрлась в стол кулаками и поднялась. Её закачало. Света и дед, вскочив, схватили её и с большим трудом усадили.

– Я этой твари глотку перегрызу! – хрипела она, рвясь в бой. – Пустите меня, пустите!

Правую её руку держал старик, в другую вцепилась Света.

– На, подавись, – сжалился над ними Олег. С усилием встав, он вытащил из кармана пачку американских денег и бросил её на стол. Оксана мгновенно утихомирилась, и её отпустили.

– Где мой любимый муж? – спросила она, пересчитав

деньги и запихнув их в бюстгальтер. Олег ответил:

– На дереве.

– То есть как?

– Вот так.

– Ты чего городишь? На каком дереве?

– На дубу.

Оксана хихикнула, выразительно поглядела на старика и Свету. Те молча сели. Присел за стол и Олег.

– Вот как? НА дубу? И что он там делает?

– Разлагается.

У Оксаны дрогнули губы. Следя за ней, Олег закурил.

– Ты придурок, что ли? – спросила Света.

– Я? Почему? – не понял Олег.

– Ты что сделал с ним?

– Да я вообще его не касался! Близко не подходил к нему!

У меня, конечно, есть чувство юмора, но подвесить живого человека за шею – это уж слишком.

– Не поняла... Ты хочешь сказать, он повесился?

– Я хочу сказать, что видел его в петле, а уж как он туда попал – понятия не имею.

Возникла пауза. Дед вздохнул. Оксана закрыла лицо руками.

– Так он сейчас... сейчас... – заикаясь, снова заговорила

Света. Олег ответил, не дожидаясь конца вопроса:

– Я его не снимал.

– Он висит на дереве?

– Да, на дереве. На каком, я уже сказал.

– В лесу?

– А где же ещё?

– Да всё это чушь, – подала вдруг голос Оксана, опустив руки, – я никогда не поверю, что он повесился. И тем более не поверю, что этот хлюпик его подвесил. Олег, Олег! Ты пошутил, да?

– Оксанка, подумай хоть полминуты своей башкой, а не задницей, и скажи: если бы я не был уверен в том, что супруг твой мёртв, сидел бы я разве здесь так спокойно?

– Да я несколько не сомневаюсь в том, что ты его ухандокал! Я не могу понять, зачем ты придумал эту дурацкую сказку с висельником?

– Это как раз и есть чистейшая правда, а то, что я ухандокал его – враньё, – спокойно сказал Олег, затушив окурок о стол. – Я не понимаю, Оксанка, ради чего ты на меня давишь? Твой муж – покойник, деньги его перешли к тебе, никому и в голову не придёт обвинить тебя в его смерти. Я тоже к ней отношения не имею. Зачем тебе пихать меня за решётку?

– Олег! Скажи, пожалуйста, правду – что ты с ним сделал?

Олег ответил уже не вполне спокойно:

– Я ничего не мог сделать с ним, потому что он был в пять раз сильнее меня и имел при себе оружие! Это факты, факты! И никакие твои истерики никого не убедят в том, что я его замочил, потому что это противоречит элементарной

логике! Ясно, сука?

Оксана лишь усмехнулась. С трудом подавив желание дать ей в морду, Олег попробовал пиццу. Она ему не понравилась. Вытирая руки салфеткой, он обратился с вопросом к деду:

– Ты местный?

– Да, – буркнул дед. Его взгляд из-под почти белых, густых бровей был мрачным, но не враждебным. В нём даже слабо улавливалось сочувствие.

– Ты не знаешь, в этих местах есть озеро?

– Не одно.

Взяв бутылку импортной водки, Олег наполнил ею стакан и тремя глотками опорожнил его. Запил соком. Потом опять пристал к деду:

– Я видел в непроницаемой темноте как при ярком свете круглое озеро посреди низины. Над ним стелился туман, хоть был страшный ливень. Этот мордоворот висел на одном из трёх прибрежных холмов.

– Я всё поняла! – крикнула Оксана. – Он спятил! Он просто спятил! Не в детстве – справка у него левая, с непонятной печатью, а этой ночью! Нет-нет, он не притворяется, он на самом деле чисто конкретно слетел с катушек. Судите сами – вторая сказка пошла! За ней пойдёт третья. Это уж точно. Я хорошо его знаю, он и здоровый с утра до вечера несёт чушь. И, кстати, у психов во время ихних припадков сила громадная появляется! Слушай, Светка, надо немедленно ехать в

город и звать ментов. Пускай они разбираются, что здесь произошло...

– Э, нет, – тревожно заёрзал старый охотник, приглаживая усы, – скажи-ка, ты ему говорила про это озеро?

– Про какое озеро, дед? – с досадой отозвалась Оксана. – Я ни про какое озеро не слыхала! Ты мне про церковь только рассказывал.

– Да, про озеро я молчал, потому что сам его не видал и надёжных, честных людей, выдавших его, не знаю. А распускать бабы сплетни – не моё дело. Я – человек сугубо научный!

– Да что ты, дед, прицепился к этому озеру? – вознегодовала Оксана. – При чём здесь, вообще, озеро?

– Да при том, что ежели он про озеро ничего не знал, то, стало быть, правду он говорит! Все те, кто озеро видел, рассказывали о нём теми же словами: в низине, круглое, темнота ему нипочём, туман над ним стелется даже в дождь! Так что, никакой он не сумасшедший. И не врунишка.

Произнеся эту речь, деревенский житель стремительно перелил в свой стакан полбутылки водки и осушил его одним махом.

– А живы те, кто озеро видел? – спросил у него Олег.

– Я плевать хотела на ваши долбаные озёра! – встряла Оксана. – Ты мне скажи, где мой муж!

– Я уже сказал тебе, где твой муж! Пять раз повторил.

– Он там, где и ты успел побывать, – ни к селу ни к городу

буркнул дед, насадив на вилку большой кусок колбасы.

– Да, я был на этом холме. А дальше, за ним...

– Ты был на том свете.

Оксана вдруг резко встала и, сделав шаг к небольшому кожаному диванчику, растянулась на нём ничком.

– Оксанка! Тебе что, плохо? – обеспокоилась Света, пощекотав ногтями пятку подруги. Это движение, не лишённое эротизма, весьма заинтересовало Олега. Он бы не преминул блеснуть остроумием, но Оксана перехватила эту стезю. Страдальчески прижимаясь носом к диванчику, она глухо запричитала:

– Какой же ты идиот, Олег! Скажи, ты действительно это сделал? Чёртов маньяк! Ты думаешь, я найму тебе адвоката? Да чтоб ты сдох! Почему нельзя было просто его прикончить, как все нормальные люди делают? Объясни мне, что это было? Инсценировка самоубийства? Да кто поверит, что этот жлоб добровольно полез в петлю? Психованный отморозок! Ты проявил бессмысленную жестокость! Ну как ты мог так с ним поступить? Ведь я же любила его, любила! Я, если хочешь знать, от него гуляла лишь для того, чтобы он мне не надоел! Если бы у него было поменьше денег или если бы он был хоть наполовину менее жадным, у меня и мысли бы не возникло избавиться от него! Я его любила, понял? Любила!

– Понял я, понял, – участливо отозвался Олег, – чего ты так надрываешься? Все с тобою согласны, никто не спорит.

– Надо пойти, наверное, снять его, – предложила Света, – может, он ещё жив?

Олег понимающе улыбнулся. Дед замотал головой, жуя колбасу.

– Не нужно этого делать! Милиция нас потом ещё и обвинят – нарочно, мол, следы затоптали.

Чуть помолчав, прибавил:

– Следов там, правда, никаких нету.

– Ну всё, дед, хватит чушь городить! – снова заскулила Оксана, стиснув руками голову. – Не до этого мне сейчас!

– Нет, пусть говорит, – запротестовала Света, – мне интересно.

Оксана внезапно села. Из её глаз текли две слезинки, но прозвучавшим голосом можно было колоть дрова:

– А я не желаю слушать местный фольклор!

– Напрасно, мой ангел, – сказал Олег, – тебе как раз стоило бы послушать.

– Мне? Для чего?

– Потом всё узнаешь. Дед, говори! А я кое-что добавлю.

Оксана изобразила полное безразличие. Дед опять налил себе водки, выпил, заел салатом и начал:

– Давно уже нет того озера, как и бора вокруг него. Было озеро, и большое, но Сатана за год его вылакал, потому что ведьмы двадцать пять лет резали над ним глотки молочным детям. Был бор – засох. Теперь там болото. Знаю я три холма около него и гору за ними знаю. За той горой...

– Я не верю, что Сатана мог вылакать озеро! – перебила Света, ударив по столу кулаком. – Это невозможно!

– Это возможно, – не согласилась Оксана, – бобры плотинят ручьи, текущие к озеру, и оно высыхает.

– А Сатана здесь при чём?

– А кто такой Сатана? Ты знаешь? Я – нет. Под ним можно подразумевать что угодно! Библия ведь писалась иносказательно...

– Уймись, дура, – сказал Олег. Оксана смутилась, вспомнив, что процитировала его. Старик продолжал:

– Бог проклял то место из-за злодейств, которыми оно было осквернено, и запретил ангелам своим к нему приближаться. Поэтому нечисть прячется там от его суда. Когда Сатана тёмными ночами туда приходит, на месте топи вновь появляется бор и озеро в пелене, а за горой – церковь.

Обведя взглядом всех своих слушателей, старик негромко прибавил:

– А днём около горы той бродит могильщик.

– Могильщик? – переспросил Олег.

– Да, с лопатой! Ходит и смотрит, кого зарыть.

Окончив так свой рассказ, старик взял бутылку. Оксана, встав, вырвала её у него и крикнула:

– А ну, хватит тут нажираться!

– Одну минуту, – сказал Олег. Поднявшись, ушёл. Вернулся он раньше, чем обещал. В руке у него была фотография.

– Я тебе башку оторву! – вскричала Оксана, когда он сел и вручил ей снимок. – Ты хоть бы руки отмыл от крови моего мужа, прежде чем прикасаться к моим вещам!

– Кто на этой фотке?

– Твоё-то какое дело?

– Ответь! Пожалуйста! Кто на фотке?

– Моя подруга! Хватит косить под психа, всё равно сядешь!

– А как ты думаешь, где она сейчас может быть?

– В гробу!

Олег сел за стол.

– Ты на сто процентов в этом уверена?

– Я была на похоронах!

– Когда она умерла?

– Ты что, идиот?

– Я спрашиваю, когда она умерла? Точнее, когда повесилась?

Побледнев, Оксана тихо сказала:

– Пять лет назад.

Олег выпил водки и закурил. Его сотрапезники наблюдали за ним с тревогой.

– Пять лет назад? Я три с половиной часа назад в лесу её видел! Говорил с нею!

– В каком лесу?

– Да вот в этом самом лесу, в каком же ещё! – взорвался Олег и, выхватив у Оксаны снимок, бросил его на стол. –

Чего она тут шатается? Может, скажешь?

Оксана уже ничего не могла сказать. Начнись вдруг пожар – она бы не шевельнулась.

– Ты обознался, – предположила Света, взяв фотографию.

– Как я мог обознасться? Ты посмотри на её глаза! Можно ли их спутать с другими?

– Пожалуй, нет, – согласилась Света, – ох, и глазищи! Оксанка, как её звали?

Ответа не прозвучало. Света обеспокоено помахала карточкой перед немигающими глазами подруги.

– Она меня венчаться звала, – продолжал Олег, раздавливая окурок, – когда же я объяснил ей, что у меня есть любимая, у которой одних счетов на 5 миллионов долларов, появилась церковь.

Дверь тихо скрипнула, открываясь. Сидевшие за столом застыли. Но на пороге никого не было.

– Ты, наверное, плохо её захлопнул, – сказала Света. Дед молча перекрестился. Ноздри Оксаны слегка расширились. Видя, что она готова очнуться, Олег поспешно спросил у её подруги:

– Светка, ты завтра вечером занята?

– Олег, а какая разница? – прозвучал кошачий голос Оксаны. – Скажи мне, какая разница, занята она завтра вечером или нет, если завтра вечером занят ты? Послезавтра – тоже. И все последующие лет семь!

– Я думаю, пора ехать, – сказал Олег, не отводя глаз от ру-

мяного лица Светы. Та похихикала. Безусловно, ради формальности. У Оксаны лицо также ничего особенного не выразило. Но полная пачка «Мальборо», оказавшаяся под левой её рукой, была зверски скомкана.

– Пойду гляну, где он висит, – молвил дед, поднявшись и взяв ружьё, – а вы за милицией поезжайте.

– В Москву поедем за ней, – заявил Олег. Света удивилась и задала вопрос, почему не в областной центр.

– Потому что там меня будет некому вытащить из тюрьмы. А в Москве найдутся хорошие люди.

– Я уплачу им твои долги, чтобы они слишком не суетились, – пообещала Оксана. Достав затем из кармана связку ключей, она положила её на стол. – Выкати машину.

Дед, между тем, покинул гостиную. Взяв ключи, Олег поспешил за ним и нагнал его возле лестницы.

– Мне с тобой поговорить надо.

Они спустились во двор. Старик присел на завалинку, положил ружьё на колени. Розовое осеннее солнышко поднялось высоко над лесом.

– Давно ты здесь обитаешь? – спросил Олег, начав отпирать гараж.

– Я родился здесь. Тогда деревенька была большая, с полста дворов.

– И что, за всю жизнь ни разу не видел кулацкой церкви над Гнилым яром?

– Если б хоть раз я её увидел, не говорил бы сейчас с то-

бой.

– Оксана сказала, что твой отец на неё набрёл. Это правда?

– Правда, – кивнул старик. Вынув из кармана газетный лист, он начал сворачивать самокрутку.

– Наверное, испугался? – предположил Олег, берясь за второй замок. – Мне девка со свечкой по мозгам вдарила, но я даже о ней забыл, когда полыхнула молния над оврагом!

Дед не спеша набил самокрутку крепкой махоркой и раскурил её, чиркнув спичкой. Когда он выдохнул дым, солнышко сменило розовый цвет на жёлтый.

– Вздор говоришь. Отец не боялся. Никакой страх ему был неведом. Он три войны прошёл, и не как-нибудь, а геройски. Тоска взяла его, а не страх.

– Тоска?

– Да, хотя он никогда в жизни не тосковал. Трёх жён схоронил – не плакал. А тут...

– И о чём была та тоска?

– О том, что не смог он подойти к церкви, когда увидел её. Пока обходил болото, уж рассвело, и церковь исчезла.

– Что ж он хотел в ней найти?

– Откуда ж я знаю? – выдохнул дед ещё одну тучу едкого дыма. – Вряд ли и сам он об этом знал. Душа человека видит гораздо дальше его ума. Душа ведь от Бога, а ум – от Змея эдемского.

– Погоди минутку.

Открыв гараж, Олег вывел из него джип Оксаны, поставил на его место автомобиль её мужа. С лязгом захлопнув створки, он запер оба замка и вернулся к деду.

– На чём ты остановился-то?

– Я не помню, – пробормотал старик. Его поведение было странным. Он не отрывал глаз от опушки леса над кручей. Сразу же отследив направление его взгляда, Олег всмотрелся. Увидел он на откосе только деревья, качавшиеся от ветра.

– Ты чего, дед?

Старик опустил глаза и сделал затяжку.

– Сам видишь, что ничего! Видать, примерещилось.

Было ясно, что старый хрен – не из тех, кому может что-нибудь примерещиться. Но деревья, качавшиеся от ветра, не оставляли повода для дискуссии.

– Продолжай, – попросил Олег.

– Так я уже всё сказал.

– А в каком году большевики снесли церковь?

– В двадцать втором. Замучились, говорят, ломать! Полгода ломали. В прошлые века крепко строили.

– А иконы из этой церкви куда дели?

– Да все сожгли над оврагом. Отец рассказывал, что огонь поднялся выше берёз. Из города было видно.

– Послушай, дед, – подступил Олег к старику поближе. Хитро и доверительно оглядевшись по сторонам, он понизил голос: – Я не поверю, что твой отец ни словом, ни жестом не дал понять, о чём с ним беседовал горожанин.

К этому времени самокрутка почти вся вышла. Бросив окурок на землю, дед затоптал его, мрачно сплюнул и отмолчался.

– Ладно, – пожал плечами Олег, – этот горожанин особенного значения не имеет. Скажи, ты был дома той ночью, когда отец твой увидел над лесом церковь?

– Да, я был дома, – ответил дед. Тут вдруг из коттеджа донеслись крики. Света с Оксаной о чём-то горячо спорили. Дед немножко послушал их и продолжил:

– В ту ночь наш кобель, Буян, ни с того ни с сего разлаялся да развылся. Выл жутким воем, и я никак не мог заставить его умолкнуть. Из дома гнал – он скребётся, бил – воеет громче! Такого с ним прежде никогда не было. На рассвете пришёл отец и сказал, что увидел церковь. С тех пор тоска на него напала. Он каждый вечер уходил в лес и всю ночь бродил.

– Искал церковь?

– Да.

– И сколько ночей искал?

– Недели две-три это продолжалось.

– Вот оно что! Очень интересно. Значит, две-три недели человек мучается и сходит с ума, не зная, чего он хочет, ну а потом горожанин вдруг говорит ему: «Человек! Я знаю, чего ты хочешь. Я не ручаюсь, что ты получишь то, чего хочешь, точнее – даже ручаюсь, что не получишь, но если тебе интересно знать, к чему ты так рвёшься – я...»

Старик перебил Олега:

– Олег! Если ещё раз ты хоть одно слово про него скажешь, беседе нашей – конец.

– Хорошо, я понял. Ты можешь мне рассказать, что произошло через три недели? Как он пропал?

– Буян ещё с вечера заскулил, – стал припоминать лесовик без видимой неохоты, – отца уже дома не было, он отправился искать церковь. Больше его никто никогда не видел. Я и ещё несколько парней неделю подряд ходили, искали, звали, но никаких следов даже не нашли.

– А сейчас собака у тебя есть?

Дед смерил Олега угрюмым взглядом и тихо-тихо спросил:

– А ты не боишься?

– Нет, не боюсь. Ты думаешь – если бы я боялся, было бы лучше?

– Думаю, да.

Олег усмехнулся и поглядел на избушки. Около них ошивались четыре лайки, два фокстерьера и пять-шесть такс.

– Вчера эти псины выли, как бешеные. Оксанка сказала мне, что до этого никогда они так не выли.

– Ну и чего?

– Я на днях привезу тебе сотовый телефон и напишу номер. Когда собаки опять завоют, ты...

– Послушай-ка, умник, – громко засопел дед и стал подниматься, – ты знаешь, почему муж Оксанки полез в петлю?

Крики в доме стихли. Олег взгляделся в серые глаза деда. Они смотрели твёрдо и холодно.

– Почему?

– Он увидел чёрта. Только увидел. И всё.

Повесив оружие на плечо, дед неторопливо зашагал к лесу. Походка у него была вовсе не стариковская. Глядя ему вслед, Олег крикнул:

– А ты-то сам не боишься его увидеть?

– Боюсь, – ответил охотник, не убавляя шаг, – поэтому не увижу. Он, как и Бог, приходит лишь к тем, кто его зовёт.

Когда старик скрылся среди деревьев, Олег уселся за руль «Ниссана» и закурил пахучую бабскую сигарету. Глаза у него слипались. При этом он понимал, что ему придётся вести машину, так как Оксанка тоже не спала ночь и напилась в хлам. Однако же предстоящий путь до Москвы под крики Оксаны тревожил его чуть меньше, чем неминуемый разговор с бывшими коллегами её мужа. Он предпочёл бы как-нибудь отвертеться от этого разговора. Близился полдень. К машине подошли таксы. Олег рассеянно поглядел на них, выбросил окурочек и задремал.

Разбужен он был Оксаной.

– Ну всё, ты сел, – бодро объявила она, усевшись с ним рядом и хлопнув дверью. Олег зевнул, поморгал, запустил мотор и нажал два раза на газ. Овраг огласился кошмарным рёвом. Таксы шарахнулись и залаяли.

– Ты что делаешь, идиот? – крикнула Оксана, брызнув

слюной.

– Тебя злю.

– Если ты меня разозлишь, пешком до тюрьмы пойдёшь!

С этими словами Оксана раскрыла сумку и стала краситься, повернув к себе салонное зеркало.

– Дай мне денег, – сказал Олег. Оксана едва не выронила помаду.

– Чего-чего?

– От меня прёт водкой! Гаишникам что давать?

Признав обоснованность этих слов, Оксана достала три незначительные купюры и отдала их Олегу.

– Этого будет мало, – заявил он.

– Если будет мало, я сама с ними поговорю.

Олег запихнул купюры в карман.

– Где вторая шваль?

– Сейчас при... Что ты сказал, урод?

Света появилась из-за угла коттеджа. Когда она устроилась на заднем сиденье, Олег включил передачу и медленно повёл джип к лесной колее. «Ниссан» без труда взбирался на кочки и выбирался из ям, но Олег боялся, что через лес проехать с такой же лёгкостью не удастся. Оксана запела песенку, продолжая тщательно наносить на лицо боевой раскрас.

– Ой, я забыла в доме свой плеер! – взвизгнула Света, прижав ладони к щекам.

– Серьёзно? – спросил Олег.

– Да, да! В нём – кассета! Моя любимая!

– Успокойся. Оксанка – мразь, тут я спорить с тобой не стану, но всё же думаю, она выделит из пяти миллионов баксов сорок рублей на покупку тебе кассеты.

– При чём тут деньги! – с досадой зашебетала Света. – Я не хочу расставаться с этой кассетой! На ней – мои любимые песни! Я их сама записала, с радио! Ну давайте вернёмся, а?

– Закрой пасть! – рявкнула Оксана, достав из сумочки те-ни. – Что за манера ныть по каждому поводу? Конец света! Кассета! Ах! Умри всё живое!

По наполненным водой рытвинам и ухабам просеки мощный джип пополз с пробуксовками.

Глава третья

Оксана

– Как дела, Олег? – спросил следователь, барабаня по столу пальцами.

– Ничего дела.

– Соседи спокойные?

– По сравнению со мной – да, – ответил Олег. Тут он вдруг почувствовал слабость. Его качнуло, и он едва не упал со стула.

– Тебе что, плохо? – обеспокоился собеседник. – Врача позвать?

– Всё нормально, – сказал Олег, улыбнувшись, – и у меня к вам просьба. Пожалуйста, не зовите врача, даже если я упаду и начну чернеть на глазах. Никаких врачей.

– Хорошо.

– Они изуродовали мне жизнь, – пояснил Олег, хотя его не просили ничего пояснять, – и я не хочу, чтобы они изуродовали мне смерть.

– Красиво звучит!

– Красота рождается в муках.

– А ты считаешь себя здоровым?

– Конечно, нет! Я об этом и говорю. Если человека с утра до вечера называть свиньёй, он рано или поздно захрюкает.

– Как тебя поставили на учёт?

– Со мной приключилась одна фантастическая история, и я о ней рассказал школьной медсестре. Она повела меня к психиатру. Психиатр сказал: «Нормальный ребёнок не мог такое придумать. Либо он сказал правду, либо он не выдержал эмоционального потрясения, связанного со смертью матери». Так как я на консилиуме схватил председательницу за горло, остановились на втором варианте.

– Да у тебя, я вижу, талант попадать во всякие фантастические истории!

– Это правда. Я ничего, кроме этого, не умею.

– А рисовать?

Олег снисходительно улыбнулся.

– Если бы я умел рисовать, у меня, наверное, были бы персональные выставки во всех крупных городах мира.

– Спорное утверждение.

– Почему?

– Потому что успешность определяется далеко не столько талантом, сколько рекламой.

– Произведениям живописи никакой особой рекламы не требуется. Реклама нужна, чтобы побудить человека читать роман, покупать музыкальный диск, идти на концерт. Это отнимает время и деньги. А оценить картину можно за две секунды.

– Любую?

– Если мы говорим о классике – да, любую.

Один из трёх стоявших на столе телефонов заверещал. Взглянув на определившийся номер, следователь поднял и положил трубку. Потом сказал:

– Я тут пообщался с одним твоим педагогом из художественного училища. Он считает иначе. И знаешь, он до сих пор хранит у себя некоторые твои работы.

– Он не объяснил вам, зачем?

– Затем, чтобы посредством их публикации – уж не знаю, когда, но, видимо, скоро, реанимировать классическую портретную живопись.

– Это уж, извините, бодрый голос маразма, – пробормотал Олег, слегка покраснев.

– Не знаю, не знаю. Он произвёл на меня впечатление адекватного человека.

– Ну, пусть попробует.

Телефон опять зазвонил. Подняв и положив трубку, следователь спросил:

– А Нобелевскую премию куда денешь?

– Нобелевскую премию за живопись не дают. Но если бы дали, я бы купил что-нибудь и перепродал.

– Опять наркоту?

Олег не ответил.

– Не бойся, я просто так спросил.

– Я и не боюсь, даже если вы спросили не просто так.

– На нормальный бизнес не тянет?

– Здесь, за великой русской стеной, любой бизнес рано

или поздно перестаёт быть нормальным – благодаря, извините, вам. Не вам персонально, а...

– Да я тебя понял.

Дружески улыбнувшись Олегу, следователь надел очки и достал из кожаной папки лист с размашистой подписью и печатью под кратким текстом. Олег решил, что сейчас, может быть, услышит что-нибудь умное. И услышал:

– Олег Михайлович, следствие по вашему делу прекращено ввиду отсутствия состава преступления. Вот постановление о вашем освобождении. Ознакомьтесь и распишитесь.

– Он точно, значит, с собой покончил? – спросил Олег, украсив бумагу своим автографом и вернув её собеседнику.

– Тебе лучше знать, – был ответ, – никто не мог с ним покончить, кроме тебя и его. Поскольку ты не обязан доказывать свою невиновность, а доказать обратное мы не можем – дело закрыто. Сейчас я выпишу тебе пропуск, и – до свидания.

Пока следователь писал, Олег размышлял. Взяв пропуск, он попросил сигарету. Следователь, как видно, не был загружен срочной работой и не спешил его выставлять. Они закурили.

– Где он мог взять верёвку? – задал Олег давно интересовавший его вопрос.

– В кармане плаща. Это был капроновый шнур, купленный по просьбе местного старика. Он ему понадобился для рыбной ловли – ну, сеть натягивать.

- Почему он не застрелился?
- Как почему? Потому, что патронов не было.
- Точно?
- Определённо. А что?
- В револьвере, кажется, шесть зарядов?
- Да, шесть.
- Он стрелял пять раз.

Страхивая пепел, следователь пожал плечами и возразил:

- Ты мог ошибиться.
- Я специально считал. Пять выстрелов было.
- Ты мог легко не услышать одного выстрела из-за грома.

Он мог пальнуть в лесу на какой-то шорох, когда ты был далеко. Одного патрона могло изначально не доставать в барабане.

От слишком сильной затяжки к горлу Олега прихлынула тошнота. Погасив окурок и подышав полной грудью, Олег заметил:

- Ещё он мог перед самой смертью в кого-то выстрелить.

Мне так кажется.

- А мне кажется, что ты в этом даже уверен.

Заверещал другой телефон. С наигранным раздражением обсудив какой-то профессиональный вопрос, следователь откинулся на спинку кресла. Рассеянно докурил. Потом, спохватившись, выдвинул ящик стола и выложил из него записную книжку, водительские права и ключи Олега.

- Там, на холме, был чёрт, – сообщил Олег, рассовывая

своё имущество по карманам. – В него-то он и стрелял.

– Почему ж ты раньше молчал об этом? Боялся, что я тебя отправлю в институт Сербского?

– Исходя из вашей реакции, смею предположить, что это-го опасается и вдова, убитая горем. Видимо, она полагает, что за больничной решёткой лучше, чем за тюремной.

– Нет, Олег, нет. Ты здорово ошибаешься, если думаешь, что Оксана, решив доказать твоё здравомыслие, рассказала мне историю этой девушки. Она не упомянула о ней ни единым словом. О том, что произошло с тобой на горе, я узнал от деда-охотника и от Светы. А остальное сам раскопал.

Олег превратился в слух.

– Эту девушку звали Нина, – продолжал следователь. – Она была невестой того, кто гонялся за тобой по лесу, и подругой Оксаны – настолько близкой, что ближе и быть не может. За неделю до намечавшейся свадьбы она привезла трёх других подруг на девишник в тот самый дом. Звала и Оксану, но та сказалась больной...

Олег перебил:

– Позвольте я угадаю, что было дальше. В доме она застукала своего жениха с Оксаной, причём Оксана бегала голая и орала: «Нинка, прости! Мы любим друг друга!» Обманутая невеста бросилась в лес и повесилась над обрывом. Так?

– Да. На ремне от сумки, в которой было подвенечное платье. Она хотела покрасоваться в нём на девишнике.

– Почему её не догнали?

Этот вопрос слетел с губ Олега произвольно. Он уже знал ответ. Перед ним возникло бледное лицо Нины, обезображенное тремя короткими шрамами. Это были шрамы с руки Оксаны.

– Когда она выбежала, Оксана схватила нож и стала половать себя по руке. Все бросились к ней.

– Она по образованию – фельдшер, – сказал Олег с тоскливой усмешкой, – ей ли было не знать, что разрезать вены надо в горячей ванне, иначе кровь свернётся и остановится!

Наступило молчание. Олег жадно разглядывал лицо Нины, таявшее, как изморозь на стекле.

– Четыре наших собаки категорически отказались работать в этом лесу, – заговорил следователь, – вели себя одинаково: совершенно не реагируя на команды, рычали, выли, крутились как заведённые, будто к ним подступали орды чудовищ.

– Наверное, ветер дул со стороны дома, – предположил Олег.

– Ну и что?

– Оксана могла забыть там свои трусы.

Следователь задумчиво покивал, будто эта версия удовлетворила его.

– Значит, ты считаешь – она сознательно добивалась того, что произошло?

– Вы видели фотографию этой Нины?

– Видел, и не одну.

– И как вам её глаза?

– Глаза истерички. Я и без фотографии знаю, что любой косою взгляд мог её толкнуть на самоубийство. Эта попытка была девятой.

– А вы с Оксаной долго общались?

– Около четырёх часов.

– И что вам неясно?

– Мне абсолютно неясно, зачем она таскает с собой её фотографию.

– А вот этого я не знаю, – пробормотал Олег и тут же воскликнул: – Знаю! Она не верила в то, что Нина реально склонна к самоубийству, и захотела её унижить: «Ну, беги, вешайся! Не повесилась? Значит, восемь попыток были инсценировкой? Значит, ты – подлая и трусливая тварь? Ну живи, живи! Стирай плевки с морды!» Так могло быть.

– Я думаю, так и было. Кстати, а надпись на фотографии есть, ты не обратил внимание?

– Есть, – ответил Олег, – что-то про нюансы женского организма.

Следователь издал весёлое восклицание.

– Стало быть, неспроста она отказалась дать мне на пару дней эту фотографию!

– А для чего она вам понадобилась?

– Эксперты из контрразведки её просили.

Олег ничего не понял.

– Эксперты? Из контрразведки?

Следователь кивнул.

– Ну да, на Лубянке давно уже есть отдел, занимающийся всей этой галиматьёй – НЛО, привидения, полтергейст и тому подобное.

– Неужели потусторонний мир тоже весь кишит врагами отечества? – возмутился Олег. – Как они достали, эти враги! Ну никакой жизни от них не стало.

– Я ничего не знаю про мир иной, но реальный мир врагами заполнен, хоть отбавляй, – с неглупой улыбкой подчеркнул следователь, – и некоторые из них довольно изобретательны. Их деятельность порой легко спутать с мистикой, и поэтому ФСБ старательно изучает разного рода загадочные явления. Иногда таким образом расследуются дела, ошибочно причисленные прокуратурой к паранормальным. Но с твоим делом сложилась обратная ситуация. Ознакомившись с нашими материалами по нему, эксперты из ФСБ порекомендовали его закрыть.

– А без них вы расследовали бы его до седьмого пота? – съязвил Олег. – Или до седьмой пачки денег из кошелька Оксаны?

– А вот это ты зря.

Олег и сам понимал, что зря, хоть от его реплики взгляд хозяина кабинета не перестал быть доброжелательным. Оборвав ещё один телефонный звонок и взяв сигарету, следователь спросил:

– Ты не задаёшься вопросом, зачем я трачу на тебя вре-

мя, рассказывая тебе о секретных сферах деятельности спецслужб?

– Нет, не задаюсь. Я думал, что вы не время на меня тратите, а меня – на время.

– Ты ошибаешься, у меня полно срочных дел. Но я...

Звонок повторился.

– Перезвони минут через десять, – распорядился следователь, сняв трубку. Вновь положив её, он заговорил с Олегом ещё более тепло: – Видишь ли, мой друг, я не первый день здесь сижу и даже не первый год, а семнадцатый. Это, как говорится, раз. Правоохранительные структуры обязаны не только расследовать, но и предотвращать преступления. Это два. Оксана тебя весьма сильно любит, и у неё много денег, а у тебя – долгов. Это три. Если после свадьбы с тобой она вдруг повиснет на том же самом суку – все дружно припишут её смерть чёрту, тут я не спорю. Но это дело возьмёт себе контрразведка, а вот её навести на ложную версию очень трудно. Это – четыре.

– Bravo, Оксанка! – искренне восхитился Олег. – Так засрать мозги следователю по особо важным делам с шестнадцатилетним опытом не сумел бы даже эксперт по авангардизму!

Работник прокуратуры продолжил доброжелательно улыбаться. Потом он взял зажигалку и закурил.

– Я нужен Оксане как геморрой, а она нужна мне как импотенция, – уточнил Олег. У следователя на это не было воз-

ражений. Но он сказал, помолчав:

– Я тут пообщался с тремя твоими знакомыми из «Короны». Каждый из них с восторгом и наслаждением рассказал мне о том, как ты трахал жён двух других.

– И что?

– Я симпатизирую таким людям, как ты, Олег. Это – пять.

– Большое спасибо. А можно я позвоню?

– Звони. Городской телефон – вот этот.

Олег снял трубку, нажал одиннадцать кнопочек и, дождавшись ответа, заговорил:

– Равшан, это я. Привет. На свободе. Хотел бы встретиться. Хорошо. Во сколько? Успею. Договорились.

– Равшан Хамракулов? – полюбопытствовал следователь, когда Олег встал свободным человеком со стула, на который сел узником, и взял пропуск.

– Он самый.

– Ты хорошо его знаешь?

– Нет, недостаточно хорошо, чтобы вы меня могли попросить о чём-то, и недостаточно плохо, чтобы вы могли меня о чём-то предостеречь.

– А Ингу Лопухину ты знаешь?

– Ингу я знаю, причём с такой стороны, с которой её никто до меня не знал. Ещё подробнее надо?

– Даже здесь ты не можешь не пускать пыль в глаза, – улыбнулся следователь.

– Я делал бы это даже на эшафоте.

Следователь кивнул и протянул руку. Олег, волнуясь, пожал её. Он всегда волновался, когда прощался с кем-то навеки. Неважно, с кем. Но, выйдя из кабинета, он ощутил подъём настроения, и ничто уже не могло испортить его – ни длинные, мрачные коридоры, по которым шныряли люди в погонах, ни толстомордый дежурный на проходной, изучавший пропуск почти минуту, ни дождь на улице. Свежий ветер качнул Олега, как стакан водки, капли дождя скользнули по его впалым щекам, как пальцы любимой женщины. Прохожие зябко ёжились под зонтами, и лица многих были под стать пасмурному небу. А он, Олег, улыбался. Никогда прежде он, ценивший свободу больше всего на свете, не ощущал её так реально и не сливался с нею в таком экстазе. Машины еле ползли по Новослободской. Олег шагал вровень с ними, опережая всех остальных пешеходов, старательно обходявших лужи. Взглянув на уличные часы, он заторопился ещё сильнее. Они показывали двенадцать пятьдесят пять. До встречи на Киевской оставалось чуть более двух часов, и надо было ещё успеть заскочить домой. Расталкивая медлительных пассажиров, Олег бегом спустился в метро, ровно через сорок минут вышел из него на станции «Профсоюзная» и ещё через пять минут ворвался в свою квартиру.

Захлопнув дверь, он кинулся в ванную, на бегу срывая с себя одежду. Вымывшись, побрившись и причесавшись, побежал в комнату и достал из шкафа лучшие свои вещи, в том числе смокинг, который издавна вполне ещё мог сой-

ти за приличный. Оделся ровно за полторы минуты. Стрелки стенных часов подползли к четырнадцати тридцати. Расшвыривая ногами груды рисунков, Олег приблизился к секретеру, отпер его и достал браслет, выигранный им три года назад в пари на футбольном матче в Черкизово. Его ставкой против браслета был «Фольксваген Пассат». Браслет того стоил. Он представлял собой россыпь сапфиров и бриллиантов на цельном золоте. Чудо была вещица. Олег берёт её как зеницу ока и до сих пор ни в какие свои поганые авантюры не вовлекал. Но сложные ситуации требуют, как известно, сложных решений. Полюбовавшись браслетом, Олег вздохнул для приличия, потом сунул его в карман, как сунул бы в пруд любимого, но смертельно больного пса, и подошёл к зеркалу. То, что он в нём увидел, ему не слишком понравилось, потому что слишком напоминало психа, собравшегося на подвиги. К счастью, тот, с кем было назначено рандеву, против героизма ничего не имел. Поправив причёску и подушившись, Олег взглянул на часы, пришёл в дикий ужас и со всех ног побежал на улицу, потому что заставить Равшана ждать слишком долго не пожелал бы даже Оксане. Идя к метро, он запустил руку в боковой карман смокинга, чтобы достать сигареты, которых не было, и, к своему немалому удивлению, обнаружил деньги. Двести рублей. На такси до Киевской их хватило.

Глава четвёртая

Инга

Хозяин бара-бильярда у станции метро «Киевская», чеченец Ахмед, с несвойственной ему терпеливостью повторял Олегу:

– Я тебя уважаю, ты мой желанный гость – неважно, с деньгами или без них. Бери что угодно в долг, только не устраивай мне здесь драки, ради Аллаха! Договорились?

Олег, естественно, каждый раз обещал вести себя хорошо, но не во всех случаях держал слово. Ахмед не мог долго на него дуться – он добро помнил. Несколько лет назад, когда он попал в беду, никто не оказал ему помощь, кроме Олега. Много воды утекло с тех пор и пересекались они не то, чтобы очень часто, но дружба их не иссякла. Как только щедрому сыну гор сообщали, что Олег в зале, он выходил к нему поздороваться и, конечно, предупредить, чтоб не было драк. Так было и в этот раз.

– Я знаю, что ты мне скажешь, – сказал Олег, пожав ему руку, – не беспокойся. Сегодня я пить ничего не буду, кроме шампанского. Оплачу через час.

– Хоть через сто лет! Но только имей в виду, что у меня новые зеркала, по восемьсот долларов каждое. Как, вообще, дела?

– Ничего дела.

– Наташка, открой сухое «Мадам Клико»! Курить надо?

– Ещё как надо!

– Чего молчишь? Наташка, и пачку «Мальборо» дай!

Видная блондинка лет двадцати четырёх приветливо улыбнулась Олегу и подала ему сигареты. Он закурил, сев на табуретку у стойки.

– Ну, я ещё подойду к тебе, – посулил Ахмед, спешивший вернуться к своим делам, – Наташенька! Проследи, моя драгоценная, чтобы он к бандитам не лез!

С этими словами Ахмед ушёл в служебное помещение.

– Что-то долго не появлялся ты здесь у нас, – заметила барменша, виртуозно освободив бутылку от пробки. Следя, как «Мадам Клико» струится в бокал на высокой ножке, Олег ответил:

– На зеркала денег не было.

– Появились?

– Нет.

– Чего ж ты пришёл?

– Равшан меня пригласил сюда.

– Что у тебя общего с этим типом? Даже Ахмед его сторонится, хоть они – родственники!

– Я бы тебе не советовал так прозрачно собирать информацию о Равшане.

– Ты чего гонишь? Что, вообще спросить ни о чём нельзя?

Казалось, Наташка очень обиделась. Повернувшись к

Олегу красивой, гордой спиной, она начала протирать бокалы. Сделав глоток, Олег уловил её злобный шёпот:

– Совсем свихнулся от наркоты своей!

У Ахмеда было немногочисленно, но ситуация на глазах изменялась к лучшему. Из динамиков рокотал нежный голос Элвиса под гитару. К стойке подсели две остроумные девушки и два хипстера. Взяв свои сигареты, шампанское и бокал, Олег пересел за ближайший столик. Отсюда он увидел Равшана. Тот был поглощён игрой и, судя по бодрым выкрикам земляков, что толпились рядом, уверенно набирал очки. Игра шла в открытую пирамиду. Медленно и степенно Равшан шёл вокруг стола, делая дуплет за дуплетом. Когда ему удался точный клапшот по битку, четыре прицельных катились в лузы. Его противница – очень пьяная дама лет сорока, громко провожала их сквернословием. Один раз, когда у Равшана вышел триплет, она взяла кий как шпагу, словно намереваясь его проткнуть. Джигиты над ней смеялись, но у Олега возникло чувство, что это несколько преждевременно. Наблюдая за этой странной игрой, он сам уже был готов материться. Ему давно не терпелось начать свою.

Неблизко от бильярда сидели, о чём-то споря, четыре девушки, лица, попы и имена которых были знакомы листателям глянцевого журналов, а также зрителям MTV. Когда к ним пытался подсесть мужчина, они ему говорили что-то, и он стремительно отходил, косясь на Равшана с его нукерами. Но, заметив Олега, все эти девушки улыбнулись. Одна из них

тут же встала и поспешила к нему, стуча каблучками травмоопасной длины и тонкости. Это была Инга Лопухина – заслуженный мастер спорта по синхронному плаванию, звезда Плейбоя и финалистка конкурса «Мисс Сочи-94». Приоритетом её был спорт, однако в спортивной хронике она занимала значительно меньше места, нежели в светской. Ничего странного в этом не было – ноги Инги, торчащие из бассейна, мало чем отличались от ног других синхронисток, а вот под взглядом её больших изумрудных глаз, по меткому изречению одного писклявого модельера, даже весеннее небо переставало быть голубым. Олег, впрочем, имел противоположное мнение на сей счёт. Он терпеть не мог большеглазых женщин, считая их истеричками. Тем не менее, он приветливо поздоровался с Ингой, так как иных существенных недостатков за ней не знал. Наташка за своей стойкой продемонстрировала лицом более глубокую компетентность в данном вопросе.

– Как у тебя дела? – спросила спортсменка, отодвигая стул, чтобы сесть напротив Олега. Всё это было проделано с трогательной неловкостью, потому что Инга была капельку пьяна. За столиком грация к ней вернулась. Нельзя было усомниться в этом, следя, как она закуривает английскую сигарету и реагирует на ответ:

– Ничего дела. А как ты?

– Да так...

Олег налил ей шампанского в свой бокал.

– Ты где пропадал? – спросила она, осушив его и поставив.

– В Бутырском следственном изоляторе.

Её длинные брови приподнялись.

– Чего?

– У тебя вода осталась в ушах? Реально я был под следствием. Неужели Равшан тебе ничего не сказал об этом?

– Равшан? Ни одного слова! Если бы я узнала, ты бы там ни минуты не просидел. Что произошло?

– Ничего особенного. Один человек совершил хороший поступок, а так как он – офицер милиции, это всем показалось странным.

– А что он сделал?

– Повесился.

– Какой ужас! – пробормотала Инга, взмахнув ресницами и качнув под столом ногой, закинутой на другую ногу. Белая туфля, болтавшаяся на пальцах, слетела с них. Наполнив бокал шампанским, Инга отпила половину. Потом прищурилась на Олега.

– А ты-то как оказался крайним?

– Было бы странно, если бы я им не оказался! Поскольку я двадцать лет назад чуть не придушил суку, спросившую, что кричала мне моя мать, когда умирала от лейкемии, на меня можно списывать всё, что нельзя списать на всемирный еврейский заговор.

– Да не хочешь, не говори, – отрезала Инга, сделав ещё глоток. – Я, впрочем, уверена, что ты трахал его жену. Но

это – не моё дело. Ты мне вот что скажи: тебя окончательно отпустили?

– Да.

– Почему?

– Потому что следователь – нормальный мужик.

Это показалось Инге смешным. Она ярко засверкала имплантатами, обошедшимися Равшану дорожке, чем капремонт её «Хонды» после аварии, ввиду коей подводная акробатка осталась без половины зубов.

– Нормальный мужик! А вот если бы следователем была нормальная женщина, не ушёл бы ты от неё. А если бы следователем была ненормальная женщина – например, такая как я, были бы допросы с пристрастием!

Большой палец ноги чемпионки мира властно уткнулся Олегу в голень. Олег зевнул и сказал:

– Для того, чтобы устраивать мне допросы с пристрастием, гражданка Лопухина, вам совсем не нужно быть следователем.

– Ого! А что для этого нужно?

Олег задумался, глядя на изумительное лицо своей собеседницы, обрамлённое ярко-рыжими волосами. Но думал он не о ней.

– Ну, так что для этого нужно? – усилила натиск Инга. Пора было ей ответить. И прозвучал ответ:

– Я не знаю.

– У тебя что, проблемы?

– Да, у меня проблемы.

– Какие?

– Я не могу сказать.

– Почему?

– Потому что ты начнёшь высказывать своё мнение.

– Ну и что?

– Вот видишь! Ты считаешь это вполне нормальным.

– Конечно, это нормально! Для этого человеку язык и дан, – уверенно заявила Инга и рассмеялась, видимо, вспомнив, что у её языка имеются и другие обязанности.

– А ну, покажи-ка мне свой язык, – попросил Олег. Спортсменка послушно раскрыла рот и высунула язык до предела. Олег внимательно поглядел на него, добавил в бокал вина и произнёс:

– Хватит.

Язык исчез. Рот закрылся и растянулся в хитрой улыбке.

– А хочешь, задницу покажу?

– Ты этого не сделаешь при Равшане.

– Почему? Сделаю, если ты меня защитишь ценой своей жизни.

– Он не один.

– Так я вот и говорю – ценой своей жизни!

– Об этом и не мечтайте, гражданка Лопухина. Моя жизнь недорого стоит, но я не стану её менять на голую задницу, даже вашу.

Инга с горькой усмешкой взяла бокал. Олег приготовил-

ся защитить лицо от шампанского, но гражданка Лопухина предпочла осушить бокал свой традиционным способом. Потом долго сидела молча. Её глаза болезненно блёкли от алкоголя. Олег смотрел на Равшана. Тот всё играл.

– Сучья жизнь, – прошептала Инга, облизав губы.

– Ищи другую, – сочувственно подсказал Олег.

– Какую другую? Где я найду другую? Как моя жизнь может стать другой, если я сама не меняюсь? Где бы я ни была и с кем бы я ни общалась, об меня будут вытирать ноги, как ты сейчас это делаешь! Разве может быть по-иному?

Она не плакала. Её голос был твёрд и звонок, глаза смотрели спокойно. Но у Олега, имевшего большой опыт общения с идиотами, засосало под ложечкой от такого спокойствия.

– Что за чушь? – отчеканил он. – Как я вытираю об тебя ноги? Чем я тебя обидел? Тем, что не захотел отодрать тебя на глазах твоего бойфренда, который мне ничего плохого не сделал? Это ты называешь вытиранием ног?

– Да! Это!

Олег кивнул и поднялся.

– Куда ты? – с тревогой спросила Инга, также имевшая большой опыт общения с идиотами.

– Понимаешь, Инга – я не могу тебе отказать, потому что ты для меня слишком много значишь, – сказал Олег, раздувая ноздри, – и я хочу тебя. Очень сильно. Но вот беда: Равшан – мой приятель. Поэтому я сначала его убью. Это будет

правильно.

– А ну, сядь! – скомандовала гражданка Лопухина. Олег не послушался. Тогда Инга, встав, толкнула его. Ему пришлось сесть. Она также села. Бросив тревожный взгляд в сторону Равшана, произнесла:

– Ну ладно, уговорил. Я согласна с тобою встретиться. Только знай, подонок: если ты втянешь меня в какую-нибудь историю – пожалеешь. Ясно?

– Договорились.

Бутылка была пуста. Олег закурил.

– Хочу рома, – сказала Инга.

– Ну, закажи себе ром.

– Ром – напиток из «Трёх товарищей»! Не хочу, чтобы этот упырь за него платил.

– Заплати сама хоть раз в жизни.

– Раз в жизни, пожалуй, можно, – глубокомысленно согласилась Инга и, вытащив из кармана короткой джинсовой юбки пластиковую карту, жестом подозвала трепавшегося с Наташкой официанта. Олег отправился в туалет. Вернувшись, он увидел на столе бутылку «Бакарди» и три бокала, наполненные её содержимым. Инга Лопухина была не одна. К ней властно пристроился, обнимая её, Равшан. Его плосконосое, воинственное лицо с круглыми глазами не озарялось триумфом. Видимо, под конец игры скандальная матерщинница протрезвилась. Инга курила, мерцая сквозь сизый дым грустными глазами.

– Ну, как бильярд? – поинтересовался Олег, усаживаясь напротив.

– Великолепно, – хрипло проговорил родственник Ахмеда, – а как рулетка?

– Я две недели её не видел. Но есть вариант один. Это бомба! Самая настоящая бомба! Завтра уж точно возьму быка за рога.

– Ты миллион раз это говорил.

– Конкретно тебе – два или три раза. Теперь есть реальный план! Дай мне денег.

– И не мечтай, – сурово отрезал горец, опорожнив свой бокал, – сперва верни то, что взял. Не вернёшь к субботе – включаю счётчик.

Ром был хорош. Олег, тем не менее, сделал только один плоток. Затем он опять начал гнуть своё:

– Верну, если дашь ещё! У меня есть план.

Это заявление почему-то не впечатлило Равшана. Он покачал головой.

– Опять план? Опять? Полгода уже ты бредишь и просишь деньги на этот бред! Надоело слушать! На дело дам, на бред – не мечтай! Короче, есть дело...

– Не для меня, – отрезал Олег, – я только что из Бутырки и не горю охотой туда вернуться.

– Ты под подписку вышел? – спросил Равшан, прикурив.

– Нет, дело закрыли.

– Самоубийство?

– Можно сказать, что да.

Инга почему-то залилась смехом.

– Равшан, мне нужен дозьяк, – прошептал Олег.

– Братан, а ты не забыл, сколько ты мне должен? – подался вперёд Равшан, быстро оглядевшись, и сам ответил на свой вопрос: – Две тысячи баксов и за два чека!

– Равшан, два чека – не в счёт! Ты дерьмо мне впарил.

– Олег, а так вот не надо. Ты знал, что брал!

– Хорошо, согласен. Дай мне ещё один, и я буду должен тебе две триста.

– Нет, Олег, нет. Это будет длиться до конца света. Лучше товар и деньги в печку бросать, чем тебе давать – больше толку, хотя бы огонь горит! Вот если бы ты...

Олег положил на стол свой браслет. Матовый свет люстры запылялся на золоте, задрожал потоками искр на гранях сапфиров и бриллиантов. Из рта Инги выпала сигарета. Официантка, которая проходила мимо, едва не выронила поднос. Но обескуражить Равшана было не так легко. Он неторопливо, даже как будто и нерешительно взял браслет двумя пальцами и задумчиво помурлыкал, рассматривая его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.